

ВАДИМ ПАНОВ

МИСТЕРИЯ МЕСТИ



ТАЙНЫЙ ГОРОД

Тайный Город

Вадим Панов

Мистерия мести (сборник)

«ЭКСМО»

«Панов Вадим»

2013

Панов В. Ю.

Мистерия мести (сборник) / В. Ю. Панов — «Эксмо», «Панов Вадим», 2013 — (Тайный Город)

ISBN 978-5-699-68914-9

В Москве зверски убивают Тину Мальцеву – молодую жену владельца крупнейшей финансово-промышленной империи. Олигарх поручает расследование убийства известному частному детективу Юрию Федра. С первых шагов Юрий обнаруживает, что следы этого преступления ведут в Тайный Город, о котором детектив раньше и понятия не имел... В Париже полицейские обнаруживают трупы людей без признаков насильственной смерти. Доктор Жерар Солитэр устанавливает причину – смерть от неизвестной болезни. Ни полиция, ни врачи не подозревают, что это только начало страшной эпидемии, способной поражать не только людей, но и обитателей Тайного Города... Новая повесть Вадима Панова и рассказы победителей конкурса «Тайный Город – твой Город» в сборнике, посвященном самому легендарному миру отечественной городской фэнтези!

ISBN 978-5-699-68914-9

© Панов В. Ю., 2013

© Эксмо, 2013

© Панов Вадим, 2013

Содержание

Вадим Панов	6
День 1	6
День 2	17
День 3	31
День 4	47
День 5	57
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Вадим Панов

Мистерия мести

© Панов В., Зимний А., Савченко А., Жукова Н., Ясинская М., Кузьминых Е., Ясенов А., Черкашина И., Плавник С. и М., Курушина Е., Герасимова П., Толкачев А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вадим Панов

Мистерия мести

День 1

Мне нравится, когда истории начинаются трагически: «День не задался с самого утра». Или: «После вчерашнего голова болела так, словно собиралась родить другую голову, второе крупнее». Или: «Четверо брюнетов грубо ухватили Шмидта за руки и вышвырнули в окно». Трагическое начало задаёт правильное восприятие: читатель тревожится, облизывает губы и нетерпеливо переворачивает страницы, желая поскорее разузнать, куда же всё-таки прилетит Шмидт со своей больной головой в тот незадавшийся с утра день.

И прилетит ли вообще.

Почему мне нравятся трагические начала? Во-первых, потому что я такой же, как все, читатель и люблю тревожиться, облизывать губы и нетерпеливо елозить пальцами по страницам в предвкушении оригинальной развязки. А во-вторых, потому что в реальной жизни подобных начал практически не встречается.

Сегодняшний день, к примеру, стартовал рутиной: умывание себя любимого, умывание зубов, поход под душ, чашка кофе, утренние пробки... Разве что проснуться пришлось раньше обыкновенного, но и такое иногда случается. Голова у меня не болела, и никакие «четверо» не хватали меня за руки и не выбрасывали из окна. Да и не четверо их было, а двое. Они сидели в дальнем углу приёмной, тихие, как насосавшиеся младенцы, и такие же непредсказуемые. Нет, пожалуй, предсказуемые: что главный велит, то и сделают. И за руки схватят – хорошо, если схватят, а не оторвут, – и из окна вышвырнут, и кое-что похуже учинят, получив соответствующий приказ. Я таких ребят знаю. Не сталкивался, к счастью, со стороны наблюдал, однако впечатлений хватило.

Но ребята остались в приёмной и не раздражали. В отличие от их главного, который сидел во главе монументального письменного стола и выводил меня из себя негромким, хорошо поставленным голосом.

В смысле меня – из меня, а не меня – из него.

– Просмотрев представленную информацию, я ожидал увидеть вас более... – Главный пошевелил пальцами, демонстрируя, что изо всех сил подыскивает наименее обидное определение: – Более выбритым. – И, обрадованный тем, что нашёл к чему придраться, осведомился: – Торопились?

Правильный ответ: «Конечно, Ваше Величество! Получив приглашение, собрался в ночь, освещая себе путь карманным фонариком, прибыв на место к пяти утра, бегал вокруг офиса, повизгивая от радости и всем существом вождедая лицезреть воочию столь выдающуюся персону...»

Но я человек во многом неправильный, поэтому ограничился коротким:

– Нет.

Не объяснять же собеседнику, что, поскольку встреча назначена на восемь утра, я решил побриться с вечера, мудро рассудив, что десять лишних минут сна утром – это совсем не то же самое, что десять потраченных минут вечером. Утреннее время ценится дороже.

Побрился, но щёки показались главному недостаточно гладенькими, и потому наш диалог на этом не закончился.

– Вы во всём так небрежны?

Вот ведь тупая кочерыжка! Он что, небритых мужиков никогда не видел? Не бородатых, а именно небритых? Живёт с закрытыми глазами? В последнее время свиная щетина вошла в моду, и неопрятно-волосатые рожи встречались гораздо чаще нормальных лиц. Главному, судя по всему, эта мода не нравилась, но какого чёрта вымещать своё недовольство на мне? Или он просто пытается меня достать? Хочет посмотреть, как я держусь?

– Надеюсь, вы не пьёте? В смысле – много.

Глаза у него выпцвели чертовски давно, наверное, ещё до того, как главный разменял первую сотню миллионов, однако, по причине отсутствия внятного цвета, взгляд получался более жёстким. Глаза внимательно изучили моё лицо, а затем взгляд главного остановился где-то в районе моих бровей и больше этой точки не покидал. В некоторые моменты казалось, что на меня смотрит не человек, а призрак. Или лишённая души кукла.

Впрочем, в какой-то мере так оно и было.

В последнее время личная жизнь главного оказалась на виду, и поэтому я точно знал, почему меня пригласили в превосходно отреставрированный особняк, спрятавшийся в уютном арбатском переулке. Не могу сказать, что меня рапирало от радости, но знание ещё не поднятой темы и понимание, что в моих услугах заинтересованы, позволило мне едва заметно огрызнуться:

– Вам нужны мои способности или гладкие щёки?

Сам себе я показался карманной шавкой, осмелившейся слегка прикусить хозяйский тапок. Глубокой ночью. Утащив его под ванну. Не издав ни звука. Однако главный к революционным проявлениям вообще не привык и потому был неприятно поражён столь наглой и агрессивной выходкой.

Бесцветные глаза повторно ошупали мое лицо, на виске главного запульсировала жилка, а указательный палец правой руки несильно стукнул по отполированному до блеска подлокотнику кресла. Похоже, мой визави рассвирепел.

– Мне нужны ваши способности, Юрий Федра, – проскрипел главный. – Однако мой личный опыт...

Это словосочетание – «мой личный опыт» – главный выделил особо, и в его устах оно прозвучало как предвестие несокрушимого: «Так хочет Бог!»

– ...мой личный опыт показывает, что неопрятные люди крайне редко оказываются умными.

– А пьющие?

– Стремительно деградируют.

И ведь не поспоришь.

Я неопределённо передёрнул плечами.

Вы слышали: директор Мальцев? Не господин, не его превосходительство, не мистер, а именно – директор. Его все так называют. Те, кто о нём знает, разумеется. Никаких других титулов. Никакой рекламы в прессе. Никаких первых рядов – деньги любят тишину. Отец директора занимал весомый пост в имперской иерархии и уже тогда заложил основы семейного благополучия, обеспечив эффективный контроль над собственностью, которая во время всеобщего развала, метания, растерянности, малиновых пиджаков и кооперативных туалетов благополучно влилась в стремительно подымающуюся промышленно-финансовую империю. Следав доброе дело, Мальцев-старший умер, и на его место пришёл директор, сумевший вдвое увеличить унаследованные активы.

О жёсткости и стальной хватке этого человека слагали легенды, однако сейчас передо мной сидел пожилой мужчина в трудной ситуации. Очень сильный мужчина. Очень опасный. Но получивший от судьбы весьма болезненный удар и потому слегка растерянный.

– Вы ведь знаете о постигшем мою семью горе?

Мальцев произнес фразу ровным, как автобан, тоном, однако я видел, каких усилий стоило ему напускное спокойствие. Даже сейчас, спустя две недели после трагедии, директор переживал. Железный Мальцев, успешно переживший трёх президентов и всегда оказывающийся в лагере победителей, хитрый, расчётливый и беспощадный к врагам Мальцев едва держался.

Что произошло? Заурядная история с незаурядным финалом. Точнее, пока ещё без финала, но мне много рассказывали об упорстве директора, и я не сомневался, что его обидчиков обязательно постигнет страшная кара.

Итак, по порядку.

Четыре года назад пятидесятилетний Мальцев поступил так, как это частенько бывает в его кругах: развёлся с женой, отписав ей и троим детям солидное содержание, и официально погрузился в жаркие объятия тридцатилетней Тины Шрамм, которая легко согласилась сменить звучную выдуманную фамилию на финансово-благополучную. В те счастливые деньки очарованный директор даже изменил себе и мелькнул на первых полосах таблоидов: свадьба в венецианском дворце, мировые звёзды, примчавшиеся лично поприветствовать новобрачную, круиз на третьей в мировом рейтинге яхте... Мальцев засветился, но вскоре опомнился и вновь укрылся от любопытных глаз, вернувшись в свой подмосковный дворец, превосходящий венецианский по всем параметрам, кроме возраста. Как выразился язвительный комментатор: счастливая пара погрузилась в обыденность красивой жизни. Все ожидали, что яркая Тина с головой окунётся в светское болото, замелькает, так сказать, в гламурном глянце, но этого не произошло. Иногда – благотворительные мероприятия, совсем редко – публичные светские вечеринки, и ни одного скандала за четыре года. Острословы посмеялись: директор научил жену осторожности – и оставили чету в покое. Но две недели назад о Тине Мальцевой заговорили повсюду, потому что...

– Вам, безусловно, известно, что мою Тину убили?

– Примите мои самые искренние соболезнования.

На виске директора вновь проснулась жилка.

– Нет нужды лицемерить.

«Хватит меня поучать!»

– Когда речь идёт о смерти, я всегда искренен, – мягко произнес я. – Мне, знаете ли, доводилось терять близких.

Тон оказался правильным – директор поверил. Или захотел поверить, что в сущности одно и то же.

Кивнул:

– Тогда спасибо. – Помолчал, сделал глоток воды из хрустального стакана и продолжил: – Две недели назад мою Тину убили. Убили жестоко. Убили нагло, в центре города. Убили – и тем исполосовали мне душу. Убили, а я до сих пор не знаю, кто это сделал. – Ещё несколько мгновений напряжённой тишины. – Смерть моей Тины расследовали лучшие сотрудники полиции, но результата нет. Я объявил награду, но результата нет. Я недоволен. Я хочу знать имя мерзавца.

Примерно это я и ожидал услышать: расследуйте убийство Тины Мальцевой, экселенц, вы ведь частный детектив. В конце концов, вам за это деньги платят. Чисто бизнес, ничего личного.

Да, я – детектив, а тут – громкое и поэтому противное дело. Противное и совершенно не по моему профилю. Не по профессиональному профилю – по психологическому. Не люблю я расследовать убийства, понимаете? Не моё это. Родственники жертвы меня раздражают, вид трупов повергает в тоску, а перспектива встречи с настоящим убийцей – в уныние. Но как сказать об этом человеку, не собирающемуся услышать «нет»?

– Вы верите в меня больше, чем в лучших полицейских страны?

Заход получился осторожным и цели не достиг.

– Мне рекомендовали вас как человека, умеющего находить правду.

Попробуем усилить:

– Не знаю, что обо мне наговорили, но я частный детектив, специализирующийся на супружеской неверности. Я человек сугубо мирный, моя сфера – человеческие отношения.

С тем же успехом я мог проповедовать камню.

– Вы нашли убийцу Багloeва, – равнодушно напомнил директор.

Мальцев принял решение на мой счет, и никакие трепыхания, даже самые отчаянные, не могли ничего изменить. Но трепыхаться мне разрешалось.

– То расследование начиналось как слежка за неверной женой.

– Вы отправили на каторгу Рейкина.

– Не я – адвокат жертвы.

– Я просмотрел материалы дела и поговорил со знающими людьми: адвокат блестяще выступил в суде, но убийство распутали вы. – На столе появилась толстая папка. – Я хочу знать, что случилось с моей Тиной.

Он до сих пор ни разу не употребил слово «жена».

А я ждал. Всё, что я знал раньше и узнал за вчерашний день о Мальцеве, свидетельствовало: он должен был использовать в разговоре слово «жена». Но он постоянно говорил «с моей Тиной», подтвердив тем самым то, чему я с чужих слов не поверил: директор Мальцев не купил себе красивую куклу, а действительно обожал свою молодую жену. И это глубокое, сильное чувство абсолютно не вязалось с его характером и жизненными принципами.

Или он расстроился из-за того, что никак не может добраться до обидчика?

– Вам ясна задача, Юрий? Теперь вы работаете на меня.

В любой другой ситуации я вспотел бы от счастья, сейчас же из последних сил попытался отделаться от столь замечательного клиента.

– Скажу честно, господин директор: мне страшно браться за расследование.

Трепыхание вызвало лёгкую усмешку:

– Вы ведь мужчина. Неужели вам не стыдно мне об этом говорить?

– Не стыдно.

– Тогда объяснитесь.

– Я в принципе не терплю насилия, – как можно искреннее произнёс я. И очень мягко продолжил: – Но то, как вашу супругу убили, не укладывается у меня в голове. Я не хочу искать человека, способного на такое зверство. Мне противно и страшно его искать.

Как ни странно, но ни грубить, ни хамить в ответ директор не стал – воспитание, что поделать. Он едва заметно кивнул, показывая, что услышал и понял мои доводы, но принимать их не собирался.

– Юрий, вы совершенно напрасно опасаетесь неведомого убийцу... больше, чем меня. Я принял решение нанять вас, и я не отступлю. Полмиллиона плюс расходы. Аванс – двести тысяч, его переведут на ваш счёт сегодня.

Директор Мальцев, как все умные люди, умел прикасаться к потаённым стрункам человеческой души, уговаривать людей и вдохновлять их на подвиги. И ещё он умел делать такое лицо, что становилось ясно: отказ не принимается. И дальнейшие трепыхания приведут к появлению похожей на младенцев парочки из приёмной.

Признаюсь честно: я не пытался вытряхнуть из безутешного богатого вдовца побольше денег, мне действительно было страшно браться за расследование этой некрасивой истории, но... В общем, попробуйте сами поговорить с директором, и вам станет ясно, почему мне пришлось согласиться.

– Надеюсь, вы понимаете, что аванс я не верну, а результат не гарантирую?

– У вас есть один недостаток, Юрий, – честность. – Мальцев демонстративно взялся за компьютерную мышь, показывая, что разговор окончен. – Не сомневаюсь, вы сделаете всё возможное для поиска убийцы. До свидания.

* * *

Почему я стал частным детективом?

Тем более в те годы, когда в эту профессию пошли не только люди с правоохранительным опытом, но и заурядные бандиты, массово создававшие ЧОПы ради легализации рэкета. Помните тех «частных детективов» из девяностых в кожанках и с «ТТ» за поясами? Тот ещё сброд. Кого не перестреляли – те сидят.

Но я не из таких. Я вообще мальчик из приличной семьи. Нет, не «мальчик из хорошей семьи» («ТМ»), а из приличной: качественное образование, кое-какие знакомства родителей, кое-какие знакомства свои благодаря правильно выбранному родителями учебному заведению. Не мажор, но и не бомж. Мог бы, к примеру, стать гран-журналистом, сидеть под абажуром, пописывать хорошо оплачиваемые гадости и постепенно обрастать читателями блога. Или гран-политиком: сидеть под абажуром, поливать грязью прошлое и настоящее, заседать в Общественном совете... Мог и по чиновной линии податься: красиво говорить, умело управлять, воровать, делиться, потерять покровителя, бежать во Францию, с трепетом ждать выдачи...

Интересных дорог было много, но человеческие качества не пустили. Я ведь, как вы помните, из приличной семьи, а не из «хорошей», есть разница.

Так что к романтической карьере частного детектива я подошёл в достаточной мере случайно. С детства об этой профессии не мечтал, не видел себя в прыщавых снах крутым героем Микки Спиллейна или Рэймонда Чандлера. И в органах не работал ни дня, если вы вдруг представили канонический случай: честный, но наивный следователь собирался служить Закону, был перемолот жерновами безжалостной Системы и теперь страдает во имя Справедливости на почве частных расследований. Галиматъя, верно? Так вот, подобной галиматьи в моей жизни не было. Профессиональные навыки набирал на практике, уроками у настоящих спецов: криминалистика, слежка, прослушка... А работа – как бывает у всех: иногда скучно, иногда муторно, иногда опасно. Спросите, что же меня понесло в детективы? Я люблю загадки и разбираюсь в людях. Неплохо разбираюсь... Нет, не буду скромничать – я хорошо разбираюсь в людях и отлично определяю ложь. Распознаю не хуже полиграфа.

И это умение меня кормит.

Правда – она ведь не всегда глаза колет. Иногда, в частных, так сказать, случаях – в семьях, в бизнесе, в политике – правду сторонам знать необходимо, изредка – жизненно необходимо. И тогда на сцене появляюсь я: слежу, подслушиваю, копаюсь в грязном белье, задаю неудобные вопросы, получаю по шее и докапываюсь до правды. И в тот момент, когда преступник (или неверный супруг) изобличены, я чувствую себя Крутым Детективом.

Да-да, я читал Чандлера.

Но сейчас речь не о моих литературных вкусах, а о Тине Мальцевой, которую убили так, что я боялся братья за расследование. Боялся настолько, что осмелился спорить с самим директором, комариком накинувшись на знаменитого мастодонта. Впрочем, подвиг уже в прошлом. Нет, конечно, я горд собой и когда-нибудь как-нибудь обязательно расскажу кому-нибудь, как развёл на деньги такого выдающегося человека, но это будет потом.

Сейчас же я изо всех сил пытался сосредоточиться на показаниях светской дивы Леночки Изельшприц, представленной мне в качестве лучшей подруги почившей госпожи Мальцевой. Наверняка в её трескотне пряталось разумное зерно... Или даже разумный отросток. Однако прятался настолько хорошо, что извлечь его пока не получалось.

– Последние годы мы с Тиной были лучшими подругами... Что удивительно, учитывая нашу разницу в возрасте... Тина была довольно пожилой тётей: тридцать четыре года...

Самой Леночке тридцать два, но одевалась и красилась она в агрессивном стиле морщинистых инженю – «мне двадцать и не более» – и вела себя соответственно.

– К тому же Тина, как ты знаешь, из простых... Провинциалка... Многие удивлялись: чего я в ней нашла? А мне нравилась её наивная, деревенская непосредственность. Забавные ошибки в общении, которые она допускала... Помню, когда она впервые оказалась в Милане, хлопала в ладоши, как ребёнок. Я отвела её к своему дизайнеру и сделала человеком... Кажется, Тина приехала из Новосибирска, но я не уверена... Ты узнаешь, наверное, если потребуется. Узнаешь? Или ты уже знаешь?

– Из Иркутска.

– Боже, какие в этой стране ужасные названия! – Леночка картинно закатила глазки. – И они ещё удивляются, что Рашку не любят... Где находится столь странное место?

– В Сибири.

Название вызвало у Леночки смутные ассоциации. Она наморщила лобик, пару раз подняла и опустила длинные, как хвост павиана, ресницы и наконец справилась:

– Сайберия! Конечно! Папа много раз бывал в Сайберии, у него там мощные бизнес-интересы. – Совершив интеллектуальное усилие, она вновь расслабилась и вернулась к томным, интонационно незаконченным фразам: – И муж туда ездит... По алмазной линии... А я – нет, я Сайберию только в глобусе видела... Я стопроцентная горожанка.

Разговор с горожанкой Изельшприц состоялся в модном СПА на одной из центральных московских улиц. Уделить мне время где-то ещё Леночка не сумела ввиду немислимой занятости: обед с подругами, поход по магазинам и подготовка к вечеринке отняли у бедняжки всё свободное время. Да и на встречу с «каким-то там детективом» Леночка согласилась только потому, что директор Мальцев лично позвонил и пробубнил в трубку распоряжение оказывать мне полное содействие, а просьбам господина директора, как я знал на собственном опыте, отказывать затруднительно.

К тому же – и это гражданка Изельшприц сообразила уже во время встречи – я мог предоставить дополнительные факты о расследовании, способные придать новое дыхание старым сплетням.

Одним словом, их интересы чудесным образом совпали прямо в СПА – неплохое начало для новой главы в романе о крутом детективе. Чёрт! Не стать ли мне писателем на досуге? Или писателем досуга? Или...

Не отвлекаться.

Короче, горожанка Изельшприц расположилась в удобнейшем кресле, всеми ногтями отдавшись дипломированным работницам гламурного маникюра, а я рядом, на табурете, приставучий, как жвачка на этом же самом предмете мебели.

– Так вот... Тина, как ты уже понял, из простых, но бойких, поднялась решительно. А когда она дядю Володю взяла, вся Москва просто рухнула...

– Согласен, неожиданно получилось, – пробормотал я с понимающим видом.

Надо же было среагировать.

– Ты не в теме, – отмахнулась Леночка. А поскольку её руками занимались, отмахиваться от меня пришлось головой. Потому что хвоста у этой лошади не было. Или она на нём сидела. – Дядя Володя с тётей Инной тридцать лет прожил, он пылинки с неё сдувал, таскал за собой всюду, любовался, как куклой, все думали, так и помрёт с ней. А Тина – раз, и в дамки! То есть – в папки. Осторожнее! – Горожанка Изельшприц бросила злобный взгляд на провинившуюся маникюрщицу. – Нежнее, сволочь!

Женщина робко кивнула.

– Дядя Володя – это директор Мальцев?

– Ты не знаешь, как его зовут?

– Знаю.

– Я его крестница, – высокомерно сообщила Леночка. – Так что мне можно.

Судя по всему – можно всё. Или почти всё.

– Какой была Тина? – осторожно осведомился я, стараясь не ранить нежные чувства крестницы серьёзного человека.

– Происхождение, конечно, делало её белой вороной, и потому она тянулась ко мне... Когда мы выходили в свет, это было как лёд и пламя. Сначала входила я, икона стиля, а потом она, похожая на дикую кошку... Изысканность и первобытная страсть... Ты должен понять, ты же учился где-то, да?

– Учился, – не стал скрывать я.

Но, судя по легкому презрению в голосе, особенно высоко в личном рейтинге горожанки Изельшприц мне подняться не удалось. Мало ли где учился «какой-то там детектив»? Возможно, в сельской школе.

– В твоих глазах есть ум, – обронила Леночка, не удостоив меня взглядом.

– Ага, – подтвердил я. – И в глазах тоже.

– Ты забавный.

– Спасибо. – Я выдал свою самую обаятельную улыбку. – Так...

– Какой была Тина? – продемонстрировала похвальную память горожанка Изельшприц.

– Да.

– Я ведь сказала: первобытная кошка. – Её не порадовала моя приставучесть. А я, признаться, начал испытывать раздражение. – Провинциалка: цеплючая, без воспитания, зато с шармом. И на спорте была помешана.

– Тина занималась спортом?

А вот этой детали в досье на госпожу Мальцеву не оказалось.

– Пластикой... Нет, как это... Современным танцем! Глупо, да? Она говорила, что с детства мечтала стать танцовщицей... Наверное, там, внизу, кажется, что танцовщицы управляют миром. Какие они все идиоты!

И жалостливый до совестливости взгляд горожанки Изельшприц упёрся сначала в маникюрщицу, а потом в меня.

– Тина, – напомнил я.

– Она пришла снизу... С самого дна... И с детства мечтала стать танцовщицей, но не получилось. А когда добралась до денег дяди Володи, завела себе персонального тренера и часто пропадала в зале. – Леночка потянулась, продемонстрировав липоксированное туловище, и закончила: – Я этого не понимаю.

Полагаю, тут следовало похвалить её замечательную форму, но я – бездушная скотина снизу – не догадался.

– Как звали тренера Тины? Где они занимались?

Часто бывает так, что женщина с подобным хобби просто нуждается в большом количестве свободного времени. «Дорогой! Я на танцах!» – пять-шесть бесконтрольных часов у нее в кармане.

К мужчинам это утверждение относится в равной степени.

Не надо обвинять меня в сексизме.

Однако горожанка Изельшприц попыталась разрушить формирующуюся на глазах теорию:

– Всё не так, как ты подумал. Эдуардика я знаю лично, он очень милый и очень любит мальчиков... Хотел в школу устроиться, но эти гадкие законы... А он такой лапочка... От него всегда хорошо пахнет...

Я тоже на Леночку не дышал перегаром, но нежностей в свой адрес не дождался.

– К тому же дядя Володя ни за что не подпустил бы к Тине какого-нибудь мачо... Он ведь «Анну Каренину» смотрел...

Директор Мальцев, думается, «Анну Каренину» читал. В отличие от крестницы.

– Я обожаю Голливуд... Это кузница стиля... Там все такие великие, не то что в этой Рашке...

– Танцы, – кашлянул я, пока «икона московского стиля» не принялась пересказывать мне содержание каких-нибудь «трансформеров».

– Она ими занималась, и результаты все видели: Тина несколько раз танцевала на вечерах, которые устраивал дядя Володя. Очень хорошо танцевала. Она точно занималась. – Горожанка Изельшприц вновь потянулась. – Я тоже так смогла бы, если бы захотела... Но плясать на публике – бред... Унижение... Только для плебса...

Аристократия, чего уж там.

– Где находится зал?

– Понятия не имею... – Леночка выдала длинную нецензурную тираду в адрес второй маникюрщицы, потребовала менеджера и отрывисто закончила в мой адрес: – Знаю только, что где-то в центре.

– Вы ни разу там не были?

– А зачем?

Логично до последнего звука.

– Тина злоупотребляла спиртным?

– Любила красное вино, но я никогда не видела её пьяной или сильно поддатой. Она умела держать себя... Потому и захомотала дядю Володю... Пьяницы не бывают умными...

– Слишком быстро деградируют, – машинально закончил я.

– Вижу, ты встречался с дядей Володи, – хихикнула Леночка. – Он решил, что ты алкоголик?

– В этом случае я вряд ли получил бы работу.

– Дяде Володе нужен результат, а не твой цирроз. Если он решил, что ты сумеешь дать результат, то наплевал бы на всё? Так ты алкоголик?

В этот момент пришел менеджер, горожанка устроила истерику с требованием наказать, выгнать, изничтожить или удавить «куриц, терзающих мои ногти!», и я ретировался. Вынеся из разговора весьма странное впечатление.

Леночка, очевидно, не лгала и искренне верила в то, что говорит. Беда в том, что ничего из ею упомянутого не являлось секретным, таким, чем делятся только с близкими подругами, как отрекомендовал горожанку Изельшприц директор Мальцев. И дело не в моём неумении задавать правильные вопросы – перед следователями Леночка выступила точно так же: честно говорила обо всём, о чём спрашивали, но ничего сверхинтересного не рассказала.

Вывод напрашивался сам собой: Леночка не была близка с Тиной.

За выводом следовал вопрос: а была ли у Тины настоящая подруга? И если была, то почему всемогущий директор Мальцев о ней не знает?

Ответы на эти вопросы или хотя бы намёки на ответы я рассчитывал получить у Алексея Торопова, личного телохранителя Тины Мальцевой.

Который оказался именно таким, каким я его представлял. И внешне, и внутренне. Бывший кикбоксёр, бывший морской пехотинец, затем сотрудник частной охранной компании... Ну вы поняли, да? Теперь – бывший сотрудник, даже полиция от него отстала, но осадочек, как говорится, остался.

Внешне Алексей был здоров, коротко острижен и немногословен. Внутренне – по-житейски хитёр (всё-таки вовремя из охранной компании смылся) и в меру неглуп.

Естественно, Торопова тщательно опросили и люди Мальцева, и полицейские, но я надеялся на удачу. В конце концов, не зря же в моих глазах горожанка Изельшприц разглядела ум.

– Госпожа Мальцева была лёгким объектом?

Для начала Алексей решил прикинуться полным деревом:

– Чего?

– Ты помнишь Тину? – Я пошевелил пальцами. – Брюнетка, примерно тридцати пяти лет, красивая, жена твоего хозяина. Тина Александровна Мальцева. Она тебе приказы отдавала весь последний год.

Да, я умею быть противным.

Торопов не совершил убийство только потому, что меня прислал директор. Но если бы взгляды могли резать, я покинул бы кафе изрядно исполосованным.

– Госпожа Мальцева была лёгким объектом для работы или тяжёлым?

Ещё один плюс телохранителю: он быстро понял, что со мной лучше не связываться, и принял условия конструктивного разговора.

– Средним. Как все.

– Приходилось носить её домой пьяную? Выполнять поручения, не связанные с твоими прямыми обязанностями?

– Я не обсуждаю хозяев.

Я ждал этого ответа, а потому выдал очень внятно и достаточно медленно, чтобы слова гарантированно вошли в повреждённые уши бывшего кикбоксера и застряли в каком-нибудь полушарии того органа, что заменяет ему мозг:

– Директор Мальцев хочет, чтобы я выяснил правду, а значит – ты обсуждаешь. Обсуждаешь всё, до последней детали. Отвечаешь на любые мои вопросы. Потом, если хочешь, можешь наябедничать директору, что я копался в его грязном белье. Но это – потом, а сейчас ты отвечаешь. Всё понятно?

При этом поставил зарубку в памяти: Торопов знал, что отвечать придётся, но всё равно попытался сыграть верного молчаливого работника.

Это могло означать, что телохранитель не хочет говорить о Тине.

– С ней было трудно?

– Нет.

– Даже сумки не заставляла носить?

Алексей достал сигарету, раскурил её и пыхнул дымом. Совсем рядом с моим лицом.

– Она меня не замечала.

Я не курю, но не обиделся, дым – это самое безобидное из того, чем мне тыкали в лицо за время моей блестящей детективной карьеры. Я откинулся назад – диванчики в этой кафешке оказались весьма удобными – и подытожил:

– То есть знала, что ты рядом и решишь любую возникшую проблему? Сколько раз тебе приходилось вступаться?

– У Тины Александровны не было проблем, – помолчав, ответил Торопов. – Ни разу за тот год, что я был её телохранителем.

– Даже с отморозками из ночных клубов?

– Тина Александровна умела ладить с людьми. – Алексей понял, что какую-то информацию выдать всё равно придётся, и сделал ставку на преданное восхваление погибшей хозяйки: – Умная женщина. Босс другую не выбрал бы.

– Молодая, умная и красивая, – протянул я.

– А зачем директору другая?

– Вам нравилась хозяйка?

Он, очевидно, ждал этого вопроса, – раз полицейские и люди из охраны директора старательно вынюхивали возможность интрижки молодой женщины с мускулистым телохранителем, так почему бы и знаменитому частному детективу не спросить о том же?

– Директор меня кастрировал бы, – ровно ответил Торопов.

– Все так говорят.

– Все директора?

– Все телохранители.

– Многих видели?

– Я специализируюсь на раскрытии семейных тайн и встречал бесчисленное множество телохранителей, тренеров, инструкторов, одноклассников... Я знаю, как говорят люди, которым есть что скрывать.

– Я не такой умный, как вы, – развёл руками Алексей. И закурил следующую сигарету. – Я не смог бы нормально общаться с директором, и он всё понял бы.

– Часто общались?

– Докладывал о передвижениях Тины Александровны раз в неделю. Лично.

Об этом Мальцев умолчал.

И это, между прочим, всё меняло: бывший кикбоксёр ни за что не устоял бы перед силой бесцветного взгляда главного в нашем расследовании человека. Полицейские и коллеги зря мучили несчастного Торопова.

– Почему вы не были с хозяйкой в ночь убийства?

– Там написано, – Алексей кивнул на планшет, в который я загнал основные материалы по делу и которым пользовался во время разговора.

– Там написаны все показания, но я не люблю записи, – улыбнулся я. Без обаяния улыбнулся, не как горожанке Изельшприц. – Хочу слышать ответ.

Торопов смял сигарету в пепельнице. Я его бесил. Хорошо.

– Директор уезжал на три дня в командировку. В последний день перед его возвращением Тина Александровна решила остаться в городе – завтра они должны были обедать с какой-то крупной шишкой.

Об этом Мальцев тоже не упомянул, но для расследования их несостоявшийся распорядок особой роли не играл.

– С утра Тина Александровна ходила в бассейн, затем пообедала с Еленой Марковной... – Торопов выдержал паузу и уточнил: – Изельшприц.

– Я понял, о ком вы.

– Затем они съездили к ювелиру – через месяц будет большой приём там... – телохранитель выразительно ткнул указательным пальцем в направлении потолка. – И Тина Александровна с Еленой Марковной заказали драгоценности. У ювелира они пробыли до шести вечера, затем поужинали, и в двадцать один восемнадцать я доставил хозяйку в квартиру. В смысле – в пентхаус. Тина Александровна сказала, что ляжет спать.

– Так рано?

– Фраза означала, что Тина Александровна не собирается покидать пентхаус. Я проводил её до дверей, затем спустился в подземный гараж и уехал.

– Вы всегда уезжали, доставив хозяйку домой?

– Как правило, – не стал скрывать Торопов.

– Вы ведь личный телохранитель.

– Здание хорошо охраняется и снаружи, и изнутри. В пентхаус ведет отдельный лифт, который просматривается и видеокамерами, и охранниками, подняться незамеченным невозможно. – Алексей пожал могучими плечами: – У меня было право уехать.

– А если хозяйка вас не отпускала?

– Для охраны предусмотрены два изолированных помещения: спальня и кухня. Туда выведена тревожная кнопка. В случае необходимости мы врываемся в пентхаус за несколько секунд. Если бы Тина Александровна велела остаться, я провёл бы ночь в этой комнате.

Все его слова полностью согласовывались с показаниями начальника охраны.

– Как часто госпожа Мальцева оставалась ночевать одна?

– Не реже двух раз в неделю.

– Даже когда директор находился в Москве и ночевал в загородном доме?

– Да.

Тине удивительно повезло с мужем: любит до обожания и отпускает ночевать одну.

Я бездумно провёл пальцем по монитору планшета.

– Не реже... Но могло быть чаще?

– Могло, – подтвердил Алексей. – Однажды Тина Александровна ночевала в городе четыре дня подряд.

– За это время они виделись с мужем?

– Нет, только созванивались.

Вот это любовь!

– Госпожа Мальцева вела свободный образ жизни?

– Тина Александровна никогда не выходила за рамки приличий, – заученно ответил Алексей.

И я понял, что он врёт.

Торопов с хозяйкой не спал, но кое-что знает и говорить об этом «кое-что» не хочет. А это, в свою очередь, могло означать, что Тину или же её любовника телохранитель боялся больше, чем директора.

Такое возможно? Поразмыслив, я ответил скорее отрицательно, однако тему тем не менее развил:

– Госпожа Мальцева когда-нибудь обманывала мужа: говорила, что ночевала в квартире, а на самом деле проводила время по своему усмотрению?

– Откуда я знаю?

– Кому знать, как не вам.

– Тина Александровна почти всегда отпускала меня домой.

– Длительную и устойчивую связь скрыть от телохранителя невозможно. Вы должны были заметить хоть что-нибудь.

Он заметил, он очевидно заметил, но держался превосходно – репетировал. И обманул всех, кроме меня. Но у меня не было чем его прижать, а сдавать Торопова полицейским или охране Мальцева я не хотел: это моё расследование.

Придется ждать.

Тем временем Алексей оправился от удара и перешёл в наступление:

– Ваши подозрения не имеют смысла. В лифтовом холле пентхауса стоит видеокамера, ещё одна в самом лифте, ещё одна внизу, в большом холле. Охрана видит, кто куда идёт и когда выходит, а если не видит – смотрит запись. Начальник электронной службы отчитывается перед директором раз в неделю.

Прекрасная организация. Моё уважение к директору Мальцеву поднялось на невиданную высоту.

Но была закавыка: видеокамеры зафиксировали, как Тина вошла в пентхаус, но не заметили ее ухода. И охранники не заметили. И начальнику электронной службы оставалось лишь руками разводиться. И когда какой-то беспощадный зверь кромсал супругу директора Мальцева на части, её личный телохранитель, вооружённые до зубов консьержи и начальник электронной службы пребывали в полной уверенности, что Тина спит в своей кровати.

День 2

Вы, наверное, удивитесь, но я совсем не трудоголик и посвящать всего себя работе не хочу, не буду и не собираюсь. Мне нравится моя профессия, при этом я нахожу её не только интересной, но и нужной – людям необходима правда, хотя бы в дозированных количествах. Да, я получаю гонорары, но при этом делаю кое-что полезное и потому спокойно принимаю даже такое нудное занятие, как слежка, когда по семь часов безвылазно сидишь в машине, ешь холодные бутерброды и писаешь в пластиковые бутылки. Я не считаю свои дни бесцельно прожитыми, но... Но я не жажду новых дел, не увлекаюсь ими настолько, чтобы забывать о сне, еде или бритье. И я не пускаю их в свою душу. Знаю, что преступления, которыми я занимаюсь, не проходят мимо, гадят, оставляют следы, но стараюсь их затирать, замазывать, не замечать... Слишком много подлости я уже видел.

И зла.

В общем, вы поняли: жилы на благородном поприще частного детектива я не рву. И даже несмотря на то, что первый день расследования начался рано – ради разговора с директором мне пришлось подняться ни свет ни заря, – правилам своим я не изменил: три встречи в день, и точка. Потому что только три разговора можно толком обдумать и сделать из услышанного полноценные выводы. А правильные выводы – на тот случай, если вы ещё не поняли, – ведут к результату.

Поэтому распорядок первого дня получился таким: сначала директор, потом цивилизованная горожанка Изельшприц, потом обед, потом Торопов, потом лавочка в Нескучном с планшетом на коленях и лёгкая дрема, потом бар – одинокий табурет и стакан с виски.

Вы ошиблись, если подумали, что мне не с кем провести вечер. Есть. И компанию я легко нахожу, если желаю выпить и поболтать. И девушки знакомые присутствуют. Но первый день нового дела я всегда заканчиваю в одиночестве: определяюсь со своим пониманием происходящего, со своим отношением к нему и намечаю ходы на ближайшие дни. Так я поступаю даже в тех случаях, когда речь идёт о банальной супружеской измене, – привык.

Потом я заказал ещё виски, заказал такси до дома и лёг спать всего лишь в половине первого.

А всё потому, что ровно в полдень у меня была назначена встреча с Байконурычем, а Байконурыч терпеть не может опаздывать и опаздывающих.

– Смотрю, начал бриться по вечерам?

– Заказчику не нравится, – пробормотал я, поглаживая отросшую за ночь щетину. Точнее, пока ещё щетинку. – Вот и стараюсь соответствовать.

– Пытаешься довести директора?

– Просто развлекаюсь.

– Ты с ним увидишься сегодня?

– Скорее всего нет.

– То есть неопрятен на всякий случай?

– Ага, – подтвердил я и сделал жадный глоток свежевыжатого апельсинового сока.

Полдень – лучшее время для завтрака!

Мой собеседник вздохнул и покачал головой: он не разделял моей склонности к поздним завтракам и терпеть не мог неопрятных людей – хоть мужчин, хоть женщин. Особенно женщин. Которым он ещё мог простить опоздания, но не прощал неопрятности. Такие вот принципы.

Я ещё не рассказывал о Байконурыче? Нет? Странно.

Это человек, который всё замечает, то есть абсолютно всё, а сам остается невидимым. В буквальном смысле слова как в сказке. Нет, Байконурыч не колдун, колдунов не бывает, но он настолько обыденный, стандартный и непримечательный, что людские взгляды отлетают от

Байконурыча, не успев передать информацию о нём в мозг. Или же эти взгляды просачиваются сквозь моего товарища – я не силен в физике.

Байконурыч худой как спичка, можно сказать – хлипкий, и поэтому в случае проблем, которые при его работе периодически случаются, сразу хватается за оружие. А если оружия нет, то бьётся предельно жёстко – Байконурыч знает столько грязных приемов, сколько их ещё не придумали. И – да, именно он обучил меня всем профессиональным штукам. И – нет, мы с ним не напарники. Байконурыч – самостоятельный, довольно известный в Москве детектив, и я его подключаю только в качестве привлечённого специалиста. Сейчас, к примеру, пользуясь своими старыми связями в полиции, Байконурыч перепроверял отчёты по нескольким последним часам жизни Тины Мальцевой. Я искренне надеялся, что он сумеет разгадать тайну её исчезновения из пентхауса, но, увы, этот орешек оказался моему товарищу не по зубам.

– Девушка твоя... Ну, точнее, не твоя, а Мальцева, оказалась с секретом. Её появление в пентхаусе подтверждено телохранителем, консьержами и видео. Тот факт, что она была дома ещё как минимум два с половиной часа, кое-как подтверждается сделанными за это время звонками.

– Кому звонила Тина?

– Мужу и этой... Израблюм.

– Изельшприц.

Байконурыч с деланым уважением оглядел мою голову и издевательски одобрил:

– Ты молодец – запоминаешь всякое. Как только такая память в стандартную черепушку помещается?

Ехидничать над моей светлой головой он мог долго, поэтому я решительно вернул себе контроль за разговором, задав давно назревший вопрос:

– Другие телефоны из пентхауса звонили?

Если у Тины была вторая жизнь, у неё обязательно должна была иметься вторая труба. В наш оцифрованный век без гаджетов никуда.

– Телефонисты неспособны локализовать именно пентхаус, – пожал плечами Байконурыч. – Но я подкинул идею полицейским, они запросили все звонки, которые были сделаны из здания, и теперь ковыряются. Отыщут подозрительную трубу – расскажут мне.

Век наш, конечно, цифровой, но старые добрые связи никто не отменял. И всё по-прежнему решается между людьми.

Мне не очень нравилось делиться с полицией своими идеями, но я понимал, что сажать за такую работу Байконурыча или садиться самому – глупо и неэффективно.

– Всё-таки думаешь, что Тина обманывала директора?

– В чём-то – обязательно, – кивнул я, накидываясь на омлет. Из-за этого несколько следующих фраз прозвучали невнятно. – Слишком много косвенных признаков.

– Все они могут иметь вполне невинное объяснение.

– Могут, – не стал спорить я. – Но тогда я хочу знать, почему она тайно покинула дом и как, чёрт побери, ей это удалось?

– Это вопрос дня, – вздохнул Байконурыч. – Кто на него ответит – сорвёт джекпот.

– Всё настолько плохо?

– Отвратительно.

А если Байконурыч говорит «отвратительно», дело действительно швах.

– Никто не видел, как Тина выходила из квартиры: ни консьержи, ни охранник у ворот, ни – что самое загадочное – видеокamеры. При этом людей можно обойти, трудно, но можно: консьержей – через чёрный ход, охранника – у ворот, воспользовавшись калиткой в переулок. Но у чёрного хода и у калитки стоят видеокamеры, а они Тину не видели.

– Предположим, Тина спустилась в гараж и села в чью-нибудь машину. На заднее сиденье или в багажник, так, чтобы её не разглядели при выезде.

– По дороге в машину её должны были увидеть три видеокамеры: в лифтовом холле пентхауса, в лифте и в гараже, но Тины на записях нет. – Байконурыч развёл руками: – Одним словом – чертовщина. Как раз по профилю твоего брата.

Он любит меня подкалывать Михаилом, который уже лет десять монашествует в подмосковном монастыре. Я не обижаюсь. Я сам скептически отнёсся к этому решению старшего, но это его жизнь и его выбор.

– Чертей ловить будем, когда они появятся. Хотя какие-то реальные зацепки по исчезновению Тины есть?

– Полицейские решили, что она подкупила ребят из наблюдения, вывернули их наизнанку, но ничего не добились. Парни клянутся, что денег не брали и с записями не химичили.

– А что им ещё говорить? – Омлет закончился, и теперь я медленно потягивал кофе. – Записи проверили, следы подделки не обнаружили, так что тому, кто это сделал, остаётся одно: не раскалываться. И мы ему ничего не предъявим.

– Согласен. – Байконурыч поморщился. – Короче, полиция оставила вопрос с исчезновением Тины открытым.

У второй по значимости загадки нет внятного ответа. У первой, впрочем, тоже. Зверское убийство однозначно говорило, что Тина погибла от рук маньяка, но как ему удалось заманить взрослую и умную женщину на тот чердак? Почему она пошла? Почему приложила усилия, чтобы её последний поход остался в тайне?

Разумные ответы наверняка есть, только я их пока не видел.

– Ты изучил взаимоотношения в семействе Мальцевых? – осведомился Байконурыч.

Он до сих пор считал себя моим наставником и постоянно проверял, не упустил ли я чего. Меня такая назойливость только радовала, поскольку лишняя проверка – дополнительный кирпичик в фундамент положительного результата. А раз Байконурыч заговорил о директоре, значит, что-то накопал, и я ответил выжимкой из сплетен горожанки Изельшприц:

– Директор жену обожал, а их свадьба изумила всех его друзей.

– Потому что свою первую жену директор тоже обожал.

– Ага.

Мой тощий наставник важно покачал головой.

– Я поговорил с некоторыми старыми клиентами, из тех, что вхожи в высшие сферы, и узнал наиболее распространённое мнение: Тина приворожила директора. Слово «приворожила» произносилось во всех разговорах.

– И роман, насколько я помню, развивался стремительно?

– Они познакомились на новогоднем корпоративе, куда Тина пролезла благодаря своему тогдашнему любовнику – начальнику департамента одной из структур Мальцева. Дело было в конце декабря. В конце января они с директором уже жили вместе, а в апреле сыграли свадьбу.

– Энергичная особа.

– Это ещё мягко сказано, – хмыкнул Байконурыч. – В директора Тина вцепилась мёртвой хваткой, вертела им как хотела, а в последнее время стала всё глубже и глубже влезать в дела компании.

– И тем могла помешать детям, – прищурился я.

До сих пор я об этом не думал. И, как выяснилось через пару минут, правильно делал.

– У Мальцева три взрослых сына, – сообщил Байконурыч. – Старший у отца на подхвате, средний в Думе заседает, младший доучивается в Оксфорде. Полицейские, конечно, попытались понять, насколько молодая мачеха мешала молодым Мальцевым жить, но копать им не позволили. Директор сказал, что сам разберётся, для семейных разборок ему ни полиция, ни частный детектив не нужны. – Байконурыч помолчал и с улыбкой продолжил: – Один из моих информаторов – архитектор известный, ему Мальцев мавзолеем для Тины заказал.

Прозвучало настолько неожиданно, что я даже кофе поперхнулся.

– Вроде Тадж-Махала?

– Не, вроде ленинского. Только на крыше мраморная статуя Тины в двенадцать футов. Почти голая. – Байконурыч зевнул. – Я эскиз видел.

Я эскиза не видел, но понимал, что если Мальцев захочет, то выстроит под Москвой настоящее произведение искусства.

Приворожила? Я к колдовству и экстрасенсам всяческим отношусь с иронией, но сейчас в голове всплыло именно это слово: «приворожила».

А Байконурыч тем временем собрался. Отставил опустевший чайник – днём он пил исключительно зелёный чай, – не вставая, повесил на плечо сумку, сунул мне твёрдую ладонь попрощаться и негромко осведомился:

– Ты знаешь, что тебя пасут?

– Не знал, но не удивлён.

– Я оторвусь, если они сдуру за мной пойдут. Тебе помочь от них избавиться?

– Плевать.

– Как скажешь.

Расставшись с Байконурычем, я заказал ещё кофе, выпил половину и звонком подтвердил Эдуардику – танцевальному тренеру Тины, – что выезжаю. Разумнее было бы отправиться на место преступления, посмотреть, где убивали Тину, и попытаться представить – как. Но ехать одному, честно говоря, не хотелось, и обращаться к полицейским тоже. В общем, я решил повременить и направился в танцевальный зал.

Однако толкового разговора с расстроенным Эдуардиком, без конца прижимающим платочек то к носу, то к глазкам, не получилось.

Да, Тина Александровна приезжала часто. Да, не реже трёх раз в неделю. Да, платила хорошо. Да, талант у неё был, и если бы Тина Александровна начала заниматься танцами в детстве, могла вырасти в чемпионку. Или в звезду.

Стандартные до зевоты ответы, произнесённые стандартным до зевоты тоном, ничего интересного. Вытащить что-нибудь внятное из опечаленного смертью выгодной клиентки тренера не получилось. И даже переход к провокационным вопросам ничего не дал.

Нет, Тина Александровна никогда не просила «прикрыть» её от внимания мужа, как вы могли такое подумать? Она была счастлива в браке... Ну, насколько женщина может быть счастлива с мужчиной. Разница в возрасте? А что в этом противоестественного? К тому же директор Мальцев – весьма импозантный мужчина... Вы с ним знакомы?

В общем, я изначально догадывался, что визит к Эдуардику станет пустым, а о встрече договорился исключительно для того, чтобы посмотреть, куда ездила Тина три раза в неделю. Что её тут привлекало? Не Эдуардик же. И, безусловно, не танцы – уж в ком в ком, а в целеустремленных провинциалках я разбираюсь, посмотрелся за последние годы и готов поставить сотню против пластикового стаканчика, что Тину в зал тянула отнюдь не ностальгия по детским мечтам.

Ей здесь что-то было нужно.

Вопрос – что?

Здание, в котором Эдуардик снимал зал, пряталось в глубине двора. Сейчас утопало в зелени, зимой уныло серело среди оголившихся кустов и деревьев. Раньше служило районным клубом, теперь было под завязку наполнено детскими кружками. Но вряд ли Тину привлекали курсы выжигания по дереву.

Я вышел на крыльцо и сразу же упёрся взглядом в громаду жилого дома. Где-то в нём прячется уютная квартира для приятных встреч? Маловероятно, конечно, но проверить нужно.

Классические милые и всё замечающие бабушки из центральных московских дворики исчезли, во всяком случае – из этого. Их место заняли чернявые мамочки, наполняющие тени-

стые уголки скверов гортанным перекикиванием о чём-то. Расспрашивать их не имело никакого смысла, поэтому я отправился по консьержам, но только один из них припомнил: «Видел девку несколько раз во дворе («девку» – слышал бы его директор Мальцев!) – плясать ходила к гомику». – «Одна приезжала?» – «Пару раз одну видел, ещё несколько раз с жлобом каким-то». Жлоба – Торопова – консьерж опознал без колебаний. И рассказал, что во двор Тина и Алексей всегда заходили пешком, что вызвало у меня вполне понятное недоумение.

Въезд во двор закрывал шлагбаум, но Тина была женой Мальцева и легко могла устроить себе ключ. Но не устроила, оставляла машину снаружи. Почему? Потому что на улице машина, например приехавшая во внеурочное время, не привлекает внимания. А когда пешком выходишь из арки, обитатели двора или Эдуардик, если вздумает смотреть в окно, – все будут уверены, что ты уехала.

А ты осталась, чтобы...

Чтобы что?

Я прошёл через арку и оглядел улицу. Универсам? Смешно. Магазин по продаже сотовых телефонов? Вряд ли. Кафе напротив? Аптека? Ночной клуб? Магазин штор? Подождите, подождите... Клуб?

Интересно...

Интересно по двум причинам. Во-первых, я ничего о нём не слышал, несмотря на то что в силу профессиональных обязанностей ночную Москву изучил неплохо. Во-вторых, клуб о себе не кричал, а сообщал благородной золотой табличкой у отделанной под дуб двери – в наши дни подобный стиль встретишь редко.

«Переплетение».

Тыркаться в очевидно запертую дверь я не стал, не мальчик. Чинно подождал, когда у подъезда остановится машина – новенький «БМВ», и спокойно просочился вслед за прибывшим в ней гостем. Недалеко, к сожалению, просочился, всего на два шага вглубь, где и был остановлен бдительными стражами.

– Полиция?

– Частный детектив, – машинально ответил я.

Напрасно ответил, потому что честное признание наполовину снизило уровень вежливости громил.

– Ищешь чего? – перешёл на «ты» тот, кто стоял ближе.

А его белобрысый компаньон выразительно потер руки – здоровенные лопаты, которые можно было бы запросто приспособить к шагающему экскаватору.

– По личному делу. – Я попытался улыбнуться, но вышло криво. – Хотел бокал холодного белого вина выпить и посмотреть, можно ли сюда с девушкой вернуться.

– Можно, если есть активированная членская карточка.

– Её можно купить?

– Выдаем бесплатно.

– Дайте две.

– Понравилось?

– У вас красивый холл.

Помещение и в самом деле было отделано со вкусом, но моя лесть, увы, результата не принесла.

– Карточки выдаются бесплатно, но только по рекомендации членов клуба. До свидания.

К сожалению, единственный человек, который мог дать мне рекомендацию, – тот самый владелец новенького «БМВ», вместе с которым мы и заявили в «Переплетение», – давно скрылся за следующими дверьми, и мне пришлось ретироваться.

– Всего хорошего.

– Возвращаться не нужно.

– Я понял.

– Ты мне сразу приглянулся, чел, в тебе ещё жив инстинкт самосохранения.

Толстая лапища легла на моё плечо, развернула и плавно подтолкнула к выходу. Громила продолжал разглагольствовать и не заметил, как, разворачиваясь, я собрал со стойки несколько визиток. Для чего? Не смогу объяснить – сработала интуиция. «Переплетение» показался мне странным, и я решил посмотреть, какие заведения рекламируют его посетителям. Возможно, не менее странные?

Но разглядывать добычу на улице я, как вы понимаете, не стал. Сунул визитки в карман, обошёл здание и с улыбкой приблизился к одинокому грузчику в кожаных штанах, жилетке и красной бандане, уныло опустошающему грузовой фургон в заднюю дверь «Переплетения».

– Привет.

Грузчик, который как раз примерялся к очередной коробке, отставил неинтересную ношу, смерил меня подозрительным взглядом, поразмыслил и выдал:

– Да пошёл ты.

Но к коробке не вернулся, очевидно ожидая продолжения увлекательного разговора.

Парень был мелким, но жилистым, сложением напомнил Байконурыча и мог оказаться столь же опасным в драке, поэтому хамить в ответ я не стал.

– Пошёл бы, да поболтать надо.

– Чиста выведать че, в натуре?

– Типа.

Грузчик жестом предложил мне выйти из поля зрения видеокамеры, поправил бандану и с ходу заявил:

– Мля, чел, у тебя денег есть? – От такой прямоты я слегка опешил. – Забесплатно трын-деть не стану, сам видишь: мне, в натуре, некогда.

Внешностью и манерами обладатель красной банданы совсем не походил на заурядного грузчика: странный жаргон, многочисленные татуировки на руках, теле и даже голове – всё это сложилось у меня в предельно правильный вопрос:

– Ты как тут оказался? Чего с ящиками возишься?

Тон я использовал слегка удивлённый, словно прекрасно знаю, к какому именно байк-клубу принадлежит конкретно этот парень, и не могу поверить глазам, увидев его таскающим ящики.

– Ты наш, что ли? – удивился в ответ татуированный.

– В общем да, но сам по себе, – туманно ответил я, лихорадочно припоминая всё, что знаю о мотоциклах, байк-клубах и прочих деталях этой самобытной субкультуры. Но припоминать не понадобилось.

– Вечно вы, челы, особняком держитесь, – скривился мой собеседник. – Нет чтобы толпой, как все умные давно делают, вы всё поодиночке паритесь.

– Тебе тоже никто не помогает, – брякнул я и сдуру чуть всё не испортил.

– Смешно, в натуре? – окрысился татуированный.

– Удивляюсь просто.

– Удивляйся сложно, мля, если получится. – Странный грузчик с ненавистью покосился на вполовину опустошённую «Газель» и угрюмо сообщил: – Проигрался я здорово, вот и отрабатываю, как лошара. Два месяца тут на посылках вкалываю.

– То есть деньги нужны?

– А ты заплати.

Я протянул татуированному сотенную бумажку и фотографию Тины:

– Девчонка в клуб ходила?

Честно скажу: ожидал увидеть настороженность. Все нормальные люди напрягаются, когда им показывают фотографию недавно убитой женщины. Но я конкретно переоценил уро-

вень влияния средств массовой информации конкретно на этого человека: обладатель красной банданы понятия не имел о смерти Тины Мальцевой. И это несмотря на то, что её фотографиями пестрели газеты и был забит весь Интернет.

– Запал, что ли?

– Вроде того, – вывернулся я.

– На неё все западают, хоть она и чёлка, – гыкнул татуированный. – Сладкая шалава, но не для тебя, лошара.

– Я недостаточно денежный?

– С баблом у неё самой всё супер, – махнул рукой грузчик. После чего снял бандану и вытер ею лицо. То ли от разговора умаялся, то ли просто так. – Она сама выбирает, с кем, а нас с тобой от швейцара не отличит, наглая тварь. Кто мы для неё, мля? Пыль!

– Когда она была тут в последний раз?

Мой собеседник протёр банданой шею и выразительно посмотрел на меня. Пришлось расстаться ещё с одной сотней.

– Давно её, суку, не видел, небось на Сейшелах каких греется с новым хахалем. Но когда в городе – гуляет так, что мало не покажется. В «Переплетении» много чего видели, да и Бенций – выдумщик, каких поискать, но эти шалавы зажигают так, что даже кончик торчит.

«Эти шалавы»! Всё-таки у Тины была подруга!

– Все человеческие ведьмы на сексе помешаны, но эти двинуты капитально. Трахаются со всем, что хоть чуть-чуть поднимается.

«Нет, не со всем. Нам с тобой, по твоему же собственному утверждению, не светит. И мне до разреза необходимо выяснить, кого выбирала Тина».

– С кем она сейчас развлекается?

– Понятия не имею.

Вопрос был важным, поэтому я не задумываясь вручил татуированному две сотенные и заговорщицки прошептал:

– Меня только за этим и послали.

– Выяснить, с кем она спит?

– Мужик один взволнован...

– Ха! – Обладатель красной банданы ощерился, продемонстрировав жёлтые зубы, и хлопнул себя по ляжкам. – Было бы за что волноваться: шалаву эту не переделаешь, а до ржавых качков ему не дотянуться.

– До кого?

– Фарш! Ты где застрял, мерзавец! Хватит бездельничать!

– Всё, чел, бывай.

Татуированный подскочил к фургону, схватил коробку и помчался в клуб; мой вопрос: «Что за ржавые качки?» – повис в воздухе; в дверях чёрного хода нарисовалась мощная фигура охранника.

Жаль, но продолжения интервью не будет.

Я медленно вышел на улицу и поднёс к уху зазвонивший телефон.

– Да?

– Видишь через улицу кафе «Магнолия»? – осведомился женский голос.

– Да.

– Зайди в него.

Короткое предложение завершилось короткими гудками.

Зайти?

Работа приучила меня не отказываться от неожиданных предложений, и поэтому я не спеша перешёл улицу, вежливо пропустив несколько автомобилей, вошёл в кафе и уверенно

направился к нужному столику. Женщину я определил без труда. И вовсе не потому, что она не спускала с меня глаз и продолжала вертеть в руке телефон, – просто я проницателен и умён.

Я без спроса опустил за её столик и обаятельно улыбнулся:

– Юрий Федра.

– Знаю.

– А я вас – нет.

Девушка? Нет, всё-таки женщина – выглядела она потрясающе, но её юность, даже поздняя юность, осталась далеко позади. Не меньше тридцати лет, но точнее определить сложно: мешал идеальный макияж. Глаза живые, кожа ещё гладкая, но морщинки вокруг глаз подло сдают возраст. И строгий брючный костюм мешает – официальная одежда добавляла моей новой знакомой, точнее пока ещё незнакомой, несколько лет. Но в целом – выше всяких похвал. Густые каштановые волосы собраны в строгую причёску, но наверняка способны волнующе упасть на плечи. Или разметаться по белизне подушки. Лицо узкое, но не маленькое, приятное. Большие карие глаза, тонкий нос, резко очерченные губы, красивая линия подбородка...

– Меня зовут Мира Кротова.

– Мария?

– Мира.

Представилась она настолько профессионально, что я легко угадал род занятий красавицы:

– Полиция?

– Следственный комитет.

Ну, почти угадал: всё равно блюститель порядка. Образно выражаясь, конечно.

– Я занимаюсь убийством Тины Мальцевой.

– Официально?

Мира промолчала, что стало наилучшим из возможных ответов: конечно нет. Официально делом занимается полиция, но, учитывая влияние директора, комитет попросили подключиться к расследованию. Ничего удивительного. Странно, что меня ещё не навестили ребята из ФСБ.

Я попросил официанта принести кофе и светским тоном осведомился:

– Следили за мной?

Мне хорошо удаются такие вот небрежные вопросы: вроде ничего особенного, но звучат резко, неожиданно, ставят разговор с ног на голову, показывая, что я подмечаю гораздо больше, чем показываю. Однако смутить госпожу Кротову не удалось.

– С того самого момента, как ты вышел из офиса директора, – легко ответила Мира.

И очень естественно перешла на «ты».

– Почему решила со мной познакомиться?

Я тоже умею уменьшать расстояния.

– Потому что меня тоже выставили из «Переплетения».

– Даже тебя?

Почему меня выгнали, понятно – сироту всякий обидит, а вот выпереть за порог взявшего разбег следователя весьма затруднительно. Покровители у владельцев скромного «Переплетения» должны быть чудовищно высокого ранга.

– Мне сказали, что клуб частный и войти я могу только по решению суда, – честно ответила Мира. – А когда я попыталась надавить, моё же начальство велело не рыпаться.

– А суд?

– У нас нет никаких оснований, – развела руками красавица.

– Не смеши меня.

– Говорю как есть.

Обалдеть. Я прекрасно понимал, что «понимающий» судья выдаст «правильному» следователю ордер на основании даты в календаре, и то, что Мира до сих пор топталась у порога, говорило о многом.

Мне безумно захотелось просмотреть украденные в холле столь интересного заведения визитки, но я мужественно сдержался.

– Ты тоже догадалась, что Тина не просто так таскалась к Эдуардику?

– Не считай себя самым умным.

– Хотел сделать тебе комплимент.

– Я сама кого хочешь сделаю.

– Не обижайся.

– И в мыслях не было. – Мира повертела в руке телефон. – Я просто раздосадована: всё сделала правильно, нашла зацепку, раскрутила её, вычислила клуб – и тут облом.

– Что тебе нужно, чтобы войти в клуб?

– Стать помощником президента.

– Слова Мальцева будет достаточно?

– Нет.

– Всё настолько плохо?

– Гораздо хуже, чем ты можешь себе представить.

Ладно, проверим.

Я допил кофе и с хитринкой осведомился:

– Теперь, когда мы познакомились, слежку снимешь?

– Тебе же спокойнее, когда поблизости ошивается пара крепких вооружённых парней.

– Я одиночка, не люблю гулять в компании.

– Считай, что ты уже один.

– Так просто?

Мира пожала плечами:

– Мне не нравится слышать, как взрослые мальчики говорят: «Я позвоню директору Мальцеву».

– Подрабатываешь чтением мыслей?

– Знаю, как ты можешь на меня надавить.

Выглядела госпожа следователь строго, но держалась на удивление свободно, шутила и тем располагала к себе. Я провел с Мирой всего несколько минут, но не отказался бы встретиться ещё.

– Сходим завтра на свидание?

– В смысле: тебе нужно съездить на место преступления?

Она навила мне всё больше и больше.

– Да, именно туда.

– Назначай время.

* * *

Несмотря на то что день получился насыщенным, по дороге домой я всё-таки провел ещё одну встречу. Сначала планировал оставить её на завтра, но не удержался, поехал, поскольку не ожидал найти визитку этой лавки в частном ночном клубе с не пробиваемой даже для директора Мальцева крышей. Да и вообще, если честно, не ожидал увидеть хоть где угодно визитки этой лавки, потому что, в моём понимании, у настолько маленького магазинчика их попросту не могло быть. Нет, нет и нет! Неоткуда им взяться!

Лавка «неПростые сувениры» располагалась на соседней с моей родной улице, занимала небольшое помещение с единственной витриной, и я тысячи тысяч раз проходил мимо:

и школьником, и студентом, и знаменитым детективом. Пару раз хотел зайти, но почему-то не получалось, и вот – такой оборот: маленький законопослушный магазинчик распространяет рекламу в ночном заведении для богачей. Так и вижу эту картину: в шесть утра из дверей «Переплетения» вываливается усталый мачо с двумя завидными красотками в обнимку и громко распоряжается: «В «неПростые сувениры» гони! Хочу подарков девочкам прикупить!» Оценили юмор?

Но главный шок, как оказалось, поджидал меня внутри. Потому что только там выяснилось, что владел магазинчиком Евгений Стальевич Хамиев, который жил в соседнем подъезде, приятельствовал с моими родителями, и при встрече мы обязательно раскланивались.

– Юра!

– Евгений Стальевич!

– Добрый вечер.

– Добрый...

– Как Миша?

– Он теперь отец Иоанн.

– Юра, я знаю, – с укоризной ответил старик. – Я спросил, как он, а не как его теперь зовут.

– С отцом Иоанном всё в порядке.

– Вот и хорошо.

А дремлющий у двери Гамлет – чёрный датский дог Хамиева – важно посмотрел на меня, признал и снова положил тяжеленную голову на мощные лапы. Гамлет уже пять лет служил старику сторожем и компаньоном, а до него был Йорик, ещё раньше – Лаэрт, и все – датчане: Стальевич питал к этой породе непонятную лично мне слабость.

Покончив с обязательными, но достаточно пустыми расспросами, старик жестом предложил мне занять одно из двух кресел в углу – прямо под пальмой в здоровенной кадке, – сам расположился напротив и с ехидцей произнёс:

– Всё думал, зайдёшь ли ты когда-нибудь или нет?

– Давно хотел... – смущённо пробормотал я. – Вывеску с детства помню, но даже не представлял, что вы... – Едва не ляпнул: «вы тут работаете», но вовремя опомнился. – Что это ваша лавка.

– Я тебе говорил, – деликатно напомнил старик, аккуратно протирая очки. – Лет семь назад.

– Значит, забыл.

Честно говоря, я пожалел, что не оказался в «неПростых сувенирах» в детстве, поскольку для ребёнка лавка старого Стальевича была настоящей сокровищницей. Удивительные статуэтки со всего мира: бронзовые, мраморные, вырезанные из дерева и вылепленные из глины, примитивные и элегантные, весёлые, даже смешные, и зловещие, рядом – скульптуры рыцарей и тут же, на стенах и полках, – их оружие, мечи, кинжалы и другие железяки пробойного действия. Рядом – кувшины и вазы, картины, значки и монеты, раковины, оловянные солдатики и модели парусников... Окажись я тут мальчишкой – обязательно поселился бы.

– Молодость, молодость... – Стальевич вернул окуляры на длинный вислый нос и строго посмотрел на меня усиленным взглядом. – Сколько лет мы знакомы?

– Вы переехали в наш дом, когда мне было пятнадцать.

– Значит, я знаю тебя половину твоей жизни.

– Чуть больше.

– Не имеет значения. – Старик вздохнул. – И за всё это время тебе ни разу не понадобился настоящий подарок. Это наводит на печальные размышления, Юра, на очень печальные.

– Если у меня не получалось к вам зайти, это ещё не означает...

– А если бы ты знал, что это моя лавка...

- Я обязательно...
- Разумеется...
- Конечно...

На этот раз я намеренно не стал заканчивать фразу. Точнее, закончил её смущённой улыбкой, показывая, как мне неловко. Стальевич не поверил, но развивать тему не стал, покачал головой и улыбнулся:

- Самому не стыдно?
 - Сильно заметно?
 - Актер ты плохой... Сейчас зачем пришёл? Неужели подарок понадобился?
- Начинать разговор с клуба «Переплетение» я не рискнул, поэтому соврал:
- Ага.
 - Слава богу, ты повзрослел.

Разочаровывать дедушку я не стал. А он, в свою очередь, откинулся на спинку кресла и менторским тоном произнёс небольшую речь:

– Только с возрастом приходит понимание того, что на самом деле имеет ценность, за что стоит платить, а мимо чего нужно пройти. С возрастом приходит осознание, что модное конвейерное барахло не отражает индивидуальность, и начинается поиск настоящего. Даже чела́м не нравится разгуливать по городу в одинаковых футболках.

«Челы»... Странное сленговое слово, которое я сегодня уже слышал. Интересно... Но пламенная речь требовала хоть какой-то реакции, и я проямил:

- Странно, мне казалось, что нынче в моде индивидуальность.
- Собранная из штамповок, – немедленно парировал Стальевич. – Одинаковые вещи и одинаковые украшения тасуются в разном порядке, но на выходе всё равно получается нечто похожее на голема. Ты знаешь, что такое голем?
- Густав Майринк, история пражской куклы.
- Переработанная и перевернутая история, – махнул рукой старик. И вернулся к делам: – Какой подарок тебе нужен?

А вот этот заход я не продумал. Пришлось импровизировать.

- Я плохой клиент, Евгений Стальевич, не знаю, чего хочу.
- На самом деле ты замечательный клиент, Юра, самый лучший, поскольку тебе можно продать всё, что угодно, за двойную цену и в больших количествах.

- Это вряд ли, – прищурился я.
- Это несложно, – прищурился старик.

Он выглядел настолько уверенным в себе, что я заинтересовался.

- Для этого нужно хорошо знать покупателя.
- Достаточно уловить несколько мелких деталей и на их основании подобрать подарок, от которого конкретный покупатель не сможет отказаться...

– Например?

- ...сколько бы подарок ни стоил, – спокойно закончил любитель датских догов.
- Например? – повторил я. – Вы ведь неплохо меня знаете, так подберите подарок, от которого я не смогу отказаться.

И услышал в ответ предупреждение:

- Подберу, – пообещал старик. – Но запрошу его истинную цену.
- Тем интереснее.
- Не обидишься?
- Прошу вас.

– Ты сам напросился. – Стальевич пошевелил пальцами, словно разминая их перед пересчётом денег, а Гамлет посмотрел на меня... с иронией, как мне показалось. – Насколько я знаю, Юра, ты не пускаешь романтику домой. Подбираешь правильный ресторан, или кафе,

или красивое место в парке, или на озере и именно там проводишь с девушкой эмоциональную, если можно так выразиться, часть встречи. Там ты шутишь, шепчешь комплименты, ласкаешь её легкими прикосновениями и получаешь, так сказать, наслаждение для сердца. А когда вы приходите домой, ты не тратишь времени на подобную ерунду.

Вот уж не думал, что мой старый сосед настолько наблюдателен. Я дал себе слово впредь вести себя осмотрительнее, а пока был вынужден признать:

– Примерно так.

Старик же поднял вверх указательный палец, продемонстрировав, что отыскал нужное, сбегал – тут я поразился неожиданно проявленной резвости – в подсобку, вернулся ни с чем, неразборчиво бормоча под нос ругательства, порылся под столом – там, как и везде вокруг, тоже было свалено всякое барахло, – заглянул в шкаф, выдал радостное «Есть!» и торжественно протянул мне скромную синюю коробку. Пыльную, как пирамида Хеопса.

– Здесь то, что тебе нужно!

– Что?

Снимать крышку я пока не стал.

– Пара бокалов для красного, – мягко произнёс Стальевич. – Их форма и стекло подобраны так, что каждый глоток вина обещает, манит и способен превратить заурядный вечер в дышащий тайной.

– И любое вино тоже?

– Вино само по себе – это грязное пятно на полу. Я же предлагаю волшебство.

– Настоящее?

– А ты проверь.

Я решился: открыл крышку и вытащил на свет бокал. И уже через секунду понял, что держу в руках близкую к совершенству вещь: стекляшка – обычная, чёрт возьми, стекляшка – оказалась живой, дышащей, манящей... Ею можно было любоваться вечно.

– Эти бокалы создал великий мастер, – тихо произнёс старик. – Он вкладывал в свои работы душу и так дарил им бессмертие. Бокалу, который ты держишь в руке, больше двух сотен лет, но он проживёт ещё тысячу.

– До тех пор, пока какой-нибудь неумеха не отправит его на пол.

– Не отправит.

– Почему?

– Я позаботился, – с непонятной мне уверенностью пообещал Стальевич.

И я поверил.

Бокал хотелось гладить. Хотелось наблюдать, как в нём покачивается вино. Из него хотелось пить, и пить не одному...

– Однажды тебе захочется просто посидеть с девушкой, Юра, поговорить, но очень медленно и ни о чём, потому что слова не будут важны. Или даже захочется помолчать, наслаждаясь тем, что рядом именно эта девушка. И тогда мои бокалы будут незаменимы.

Старый хрыч вскрыл меня, словно консервную банку.

– Сколько они стоят?

Стальевич назвал цену. Я вежливо улыбнулся. Он пожал плечами:

– Завтра ты их купишь.

– Думаете, девушка отыщется настолько быстро?

– При чём тут девушка? – искренне удивился старик. – Мы говорим о бизнесе, о бокалах, которые ты уже считаешь своими. И тебе безразлично, сколько они стоят. Завтра ты завершишь сделку.

Что ещё сказать? Я попал.

– Скидки не будет?

– Ты сам напросился.

Он ведь честно предупреждал, что лучше не связываться. А Гамлет, здоровенная скотина, улыбнулся, высунув длинный красный язык.

– Я понял: вы мастер.

Правильная лесть в нужное время ещё никому не мешала. Старый хрыч надулся от гордости и сэкономил мне изрядную сумму:

– Пятнадцать процентов, Юра, по одному за каждый год, что ты треплешь нервы мне и моим псам.

Гамлет неодобрительно качнул башкой, намекая хозяину, что на эти деньги можно закупить пару грузовиков вкуснейшего собачьего корма, и снова уснул. Я с сожалением вернул коробку Стальевичу, прекрасно понимая, что завтра обязательно её заберу, и услышал неожиданное:

– А теперь скажи, зачем ты на самом деле пришёл? Тебе не был нужен подарок, но ты сделал крюк по дороге домой и пришёл. Зачем?

Хорошо, что старый хрыч не подался в частные детективы: с таким конкурентом мне в профессии делать нечего.

Он вопросительно поднял брови, словно подталкивая меня к исповеди, Гамлет, не открывая глаз, наострил уши, я вздохнул и доложил:

– Я расследую преступление, Евгений Стальевич. След привел меня в клуб «Переплетение», а в клубе я обнаружил вашу визитку. И очень удивился, что в ночном клубе рекламируют скромный магазин подарков.

– Я небогат, мне нужны клиенты.

– Ищите их в ночных клубах?

– Солидные клубы посещают солидные люди, а я могу им предложить солидные подарки.

– За солидные деньги.

Спорить Стальевич не стал. Зато выдал очередное откровение:

– Юра, когда подрастёшь, обязательно поймёшь, что правильный подарок способен изменить жизнь до неузнаваемости, помочь обрести друзей и создать карьеру. Но подобрать правильный подарок бывает необычайно трудно, ибо далеко не каждый способен похвастаться умом или фантазией. И тогда на помощь прихожу я. – Старик помолчал. – Ты расследуешь убийство Тины Мальцевой?

– Да.

– Какие ещё визитки ты взял в «Переплетении»?

Назвался груздем – полезай в кузов. Я не был доволен тем, как развивается наша беседа, но добытые визитки Стальевичу протянул. Все визитки.

– «Красный колледж»... Сюда лучше не ходить. – Картонку старик небрежно бросил в раскрытый ящик своего стола, и я понял, что ко мне она не вернётся.

– Почему?

– Просто поверь: нечего там делать. Да и не пустят тебя туда, как не пустили в «Переплетение».

«Откуда он знает, что меня выставили из клуба?»

Глупый вопрос, учитывая, что он держит там рекламу и наверняка знаком с правилами.

– «Биржевые хроники»? Слишком скучное заведение для тех, кто ничего не понимает в деньгах.

– Я понимаю в деньгах.

– То, что ты отличаешь кредитную карту от стопки наличных, не делает тебя даже любителем.

– Но...

– Я знаю, о чём говорю.

Тон старика напомнил отцовский, и спорить сразу расхотелось.

– «Алтайская неувязка» – место замечательное. На первом этаже изумительная дичь и можно выпить, на втором – восхитительный чай. На первый этаж запись за две недели. На второй – за месяц и нужно иметь рекомендации. Но чай – потрясающий. «Ржавый топор» – только для ржавых качков...

«Ржавый качок»! Татуированный грузчик употребил то же выражение, а значит, имеет смысл навестить ржавый бар.

– Мне нужно в «Топор», – уверенно произнёс я.

– Действительно нужно?

– Позарез.

Стальевич поправил очки, потрогал себя за мочку левого уха, помолчал, раздумывая над моей просьбой, понизил голос и сообщил:

– Если тебе **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** нужно в «Ржавый топор», то приходи за час до открытия в три пополудни. В это время там только хозяин, которого ты сможешь разговорить, если тебе действительно нужно.

– Но дверь...

– Она будет открыта. Хозяин бара искренне верит в то, что случайных посетителей не бывает и тот, кому **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** нужно, откроет дверь, несмотря на табличку «Закрето».

День 3

Бокалы я всё-таки купил. Какой смысл откладывать на завтра то, что всё равно сделаешь? А завтра я обязательно их купил бы, тут старый торгаш был прав на сто процентов. Но в другом Стальевич ошибся: выставлять своё приобретение напоказ я не стал, убрал в шкаф, но убрал недалеко.

Я знал, что в скором времени они мне пригодятся.

Улыбаетесь с пониманием? Ну да, что скрывать: прекрасная сотрудница Следственного комитета Мира Кротова очень мне понравилась. Неожиданно сильно понравилась, несмотря на то что она совершенно не мой типаж, если можно так выразиться. Извините за цинизм, но у меня давно прошёл этап: «Всё равно кто, лишь бы женщина!» – и я придирчиво выбираю спутниц, не приглашая кого попало даже на один вечер.

Начнём с того, что мне нравятся блондинки, в этом отношении я настоящий джентльмен. В блондинках идеально сочетаются красота, женственность и ум, и этот невероятный коктейль сбивает с ног, заставляя позабыть обо всём на свете. Второе: мне нравятся хрупкие блондинки. Не тощие, угловатые и костлявые, а хрупкие, нежные, но соразмерные, изящные, словно созданные Богом по специальному заказу. Поэтому Мира с её спортивной фигурой, не крупной, но отнюдь не хрупкой, и густыми каштановыми волосами была совсем «не моей». Но понравилась безумно, и я намеревался спокойно, не форсируя, но и не тормозя, выяснить, как симпатичный следователь относится к приятной во всех отношениях интрижке с симпатичным частным детективом.

И надеялся, что бокалы не останутся без дела.

На наше первое свидание Мира заявила в модно потёртых джинсах, чёрных босоножках на высоком каблуке и чёрной же рубашке с короткими рукавами. Добавьте чёрные очки, тёмные волосы, загорелую кожу, лишнюю расстёгнутую пуговку рубашки, и вы поймёте, почему я почти обрадовался смерти Тины – как бы я познакомился со столь прекрасным блюстителем порядка без этого печального обстоятельства?

Больше всего на свете мне хотелось схватить Миру в охапку и увезти на какой-нибудь комфортный остров дня этак на сорок два, но я сдерживался. И на месте преступления – хотите верьте, хотите нет – вёл себя предельно собранно и профессионально, поскольку твёрдо знаю, до какого предела можно смешивать рабочее и личное.

– Ты видела тело?

– Да, – скупно ответила она, ухитрившись произнести одно-единственное короткое слово так, что я без труда услышал главное послание: «Не надо развивать тему».

Увы, исполнить эту просьбу я не мог.

– И как?

– Жестоко.

– Даже по твоим меркам?

– У меня нет мерок.

– Есть, потому что ты видишь трупы гораздо чаще меня.

– Хорошо, – сдалась недовольная Мира. – Даже по моим меркам убийство Тины было жестоким. Очень жестоким.

Фотографии из дела этот вывод подтверждали, а разговор я затеял только для того, чтобы посмотреть на реакцию моего напарника. Или напарницы? Как правильно? В общем, я хотел посмотреть на неё.

Я уже говорил, что твёрдо знаю предел, за которым не следует смешивать рабочее и личное?

– Мы ищем убийцу, но неофициально определено, что преступление совершил маньяк, – неожиданно добавила Мира. – Это главная версия.

Которая отсутствовала в материалах дела.

– Тебе доводилось искать маньяков?

– Да.

– И?

– С одной стороны, очень похоже, с другой – что-то не так. Но одинаковых маньяков не бывает, у каждого голова по-своему сломана.

Тину убили на чердаке муниципального многоквартирного дома. Не дорогого, но и не трущобы, обычного дома, выстроенного ещё в имперские времена в самом начале Дмитровского шоссе. Не окраина, но для жены директора Мальцева район неподходящий. Что она здесь забыла?

Мира сняла полицейские печати, и я медленно прошёл внутрь.

Грязно – вот что приходило в голову в первую очередь. Пыль, остатки строительного мусора, пыль, куски мебели, пыль, пара целых, заляпанных краской табуретов, снова пыль... Запёкшаяся кровь и свидетельство расследования: ошмётки полицейской ленты, пара скомканных бумажек, забытая резиновая перчатка. Единственными чистыми вещами в помещении оказались три лампочки, ввёрнутые в голые патроны. Судя по всему, лампочки принесли полицейские.

Возможно, место преступления тщательно выбрали, но его совершенно точно не готовили. Преступнику не требовалось дополнительного антуража – только уединение. Но с преступником всё ясно, а вот что на чердаке забыла Тина?

Кроме своей смерти, разумеется.

– Можно вопрос?

– Для этого я здесь.

В вежливом ответе отчётливо слышался намек на то, что она, красивый и профессиональный следователь, с удовольствием поможет частному детективному лопуху разобраться в ситуации.

– Оказавшись тут, о чём ты подумала в первую очередь? Во что у тебя сложилось растерзанное тело и грязный чердак?

– Преступник наслаждается процессом убийства.

– То есть ты тоже уверена в том, что мы ищем маньяка?

– Оглянись вокруг, – просто предложила госпожа следователь.

Место убийства и его способ недвусмысленно подтверждали слова Миры. И вывод полиции. Косвенно его подтверждал и тот факт, что убийца постарался, чтобы преступление поскорее обнаружили. Криминалисты выяснили, что, растерзав Тину, он намеренно подтащил обезображенный труп к дверям, дабы вытекшая кровь привлекла внимание обитателей верхнего этажа.

Которые не слышали звуков борьбы или криков о помощи. А эксперты между тем утверждают, что часть ран получена Тиной в бою – женщина сражалась за свою жизнь, но проиграла. Почему же она дралась молча? Ладно, чёрт с криками, почему никто не слышал топота? Не обратили внимания? Полицейские решили именно так.

– Хорошо, пусть маньяк, – временно согласился я. В конце концов, следователи тоже люди, им нравится чувствовать себя умными. – Но как Тина тут оказалась?

Видеокамеры в подъездах дома отсутствовали, но консьержки в один голос твердили, что ни Тины, ни похожей на неё женщины не видели. Получается, либо будущая жертва кровавой бойни терпеливо ждала, пока кто-нибудь из дежурных не покинет свой пост, либо замаскировалась до неузнаваемости.

Зачем?

Откуда взялось это умение таинственно исчезать и так же странно появляться? Какой факт мы все упускаем? Тина умела летать? Сомнительно, конечно, однако это предположение объясняет практически все нестыковки.

Я бросил взгляд на Миру, понял, что красавица заскучала, и решил развеселить её диалогом на профессиональную тему. Пусть примет посильное участие в расследовании.

– Что могло заставить взрослую, умную и успешную женщину отправиться ночью на этот грязный чердак? Пусть бы это был чердак её дома или хотя бы подходящего района, но до пентхауса далеко, до танцевального зала далеко, до клуба – если предположить, что Тину «Переплетение» интересовало больше, чем танцы, – далеко. До машины... – Я заглянул в планшет. – Машина мирно стояла в гараже. Как Тина здесь оказалась?

– Вряд ли она сюда стремилась, – хладнокровно ответила Мира. – Я полагаю, её оглушили в другом месте, например в «Переплетении», и привезли сюда.

– Консьержки отрицают.

– Ночью они спят.

– Но при этом запирают двери, и войти могут только жильцы.

– Тина прошла с кем-то из них.

– Ты ведь знаешь, что всех, кто возвращался домой после одиннадцати вечера, тщательно опросили. Никто не сознался.

– Люди врут, – пожала плечами Мира.

Ей нужно смотреть поменьше американских сериалов. Женщина она, похоже, впечатлительная, вот и впитывает чужаконенавистнические идеи как губка.

– Люди не врут просто так, – мягко выдал я прописную истину. – Нужен повод. А повод в нашем случае один: кто-то из них убийца. Вы проверили жильцов?

– Нормальные вроде люди.

– Зачем же им лгать? – Я оглядел контуры наибольшего фрагмента трупа, затем трёх остальных фрагментов, затем попытался представить, как это выглядело вживую, почувствовал накаывающую дурноту, кашлянул и поинтересовался: – Почему криминалисты не уточнили вид холодного оружия?

– Они всегда пишут расплывчато.

– Но в конце обязательно перечисляют варианты клинков, а сейчас – нет. – Я выдержал короткую паузу. – Мне сказали, Тину могли располосовать когтями.

– Кто сказал? – молниеносно среагировала Мира.

– Ты не удивилась.

Она поняла, что попала в элементарную ловушку, и ответила классическим женским оружием – чарующей улыбкой. Затем посерьёзнела и деловым тоном сообщила:

– Преступник использовал странное оружие, которое криминалисты не могут идентифицировать даже приблизительно. Когти – один из вариантов.

– Ты серьёзно?

– Не настоящие когти, конечно. Но искусственные, необычной формы – вполне. Об этом свидетельствуют некоторые раны: ножом их не нанесёшь... В любом случае это был кто-то очень сильный. – Мира прищурилась и странным голосом закончила: – Настолько сильный, что Тина не могла сопротивляться.

– Преступник мог её обездвижить.

– Ты ведь читал отчёт: здесь была драка.

Которую никто не слышал.

Да, я читал отчёт. Тина пыталась защищаться и тем добавила ещё одну монетку в копилку своих невероятных качеств. Охмутила директора, вертела им как хотела, исчезла из пентхауса так, что никто не заметил, неведомым образом оказалась на чердаке, где устроила драку,

которую никто не услышал. И ходила в клуб, владельцы которого легко посылают по далёкому адресу всемогущего Мальцева.

– Здесь Тина впервые упала. – Пока я предавался серьезным размышлениям, Мира прошла по чердаку чуть дальше и очень грустно рассказывала мне подробности случившейся бойни: – Но тут же вскочила и продолжила борьбу. Ударила, увернулась... Она прорывалась к дверям.

Читать следы так хорошо, как криминалисты, я не умел, поэтому сопровождал информацию вежливой улыбкой. К тому же приблизительный ход сражения был описан в отчете.

– Стена опалена огнём?

– Давно опалена, – тут же ответила следователь. – Видимо, кто-то баловался с паяльной лампой.

– На чердаке?

– Мало ли вокруг идиотов?

Оспорить это утверждение не представлялось возможным. Я улыбнулся самой мудрой из своих улыбок, а в следующий миг заметил то, чего в отчёте не было.

– Почему никто не зафиксировал эту надпись? – Слева от двери стену украшало мужское имя – «Рудольф». Написано чёрным маркером, и довольно крупно. – Я не видел её в материалах дела.

– Я тоже. – Мира выглядела растерянной.

Я присел у надписи на корточки, вновь обратился к планшету, пролистал несколько страниц, отыскал фотографию этого места и хмыкнул: никакого имени на стене не значилось.

– Интересно.

– Мальчишки балуются? – чуть нервно предположила Мира.

– Мальчишки написали бы какую-нибудь чушь. Проникшие к месту убийства готы – высокопарную дрянь. Пьяные гопники добавили бы матюков. А это имя. – Я закрыл планшет и ловким, упругим движением поднялся на ноги – да, да, да, мы, частные детективы, тоже поддерживаем себя в спортивной форме. – Среди знакомых Тины был Рудольф?

– Я проверю.

Вот и славно.

– А вообще здесь оказалось не так страшно, как я предполагал, – светским тоном произнёс я. – Поужинаем сегодня?

* * *

INTERMEDIUS NEGRO

– *Урод! Мерзавец! Тварь!*

– *Не ори.*

– *Скотина!*

В ответ – тяжёлый вздох.

– *Ты хоть знаешь, с кем связался, урод?*

– *Разумеется.*

– *Ты...*

– *Да, я. Я знаю, кто ты, и именно поэтому ты здесь, ведьма.*

Пауза. Взгляд, которым можно насквозь прожечь луну, испепеляющий взгляд, но он беззвучен, и потому на чердаке продолжается пауза. Она длится пять ударов сердца, а затем звучит негромкое:

– *Кто ты?*

Трудно поверить, но ВАЖНЕЙШИЙ в её положении вопрос Тина задала только теперь. Впрочем, ничего странного: ярость улеглась. Или шок. Или яростный шок, вызванный неожиданным и наглым посягательством... Или вмешательством? Или вторжением? Как назвать ситуацию, когда тебе устраивают хитроумную магическую ловушку и принудительным порталом забрасывают в какую-то пыльную помойку: то ли чердак, то ли подвал, то ли барак бамовский?

Или всё происходящее – дурацкая шутка?

Нет, не шутка. Выкрикивая оскорбления, Тина успела осмотреть помещение внутренним взглядом и убедилась, что находится в клетке. Не в буквальном смысле, к сожалению, не в буквальном... Обычная клетка, хоть из стали, хоть из титана, удержать опытную ведьму неспособна, и поэтому неизвестный «шутник» позаботился о колдовских, невидимых обычному взгляду скрепах, разрушить которые было бы весьма сложно.

– Кто ты?

– Какая разница?

Он разговаривал с пленницей из тёмного угла, сидел на чём-то, укрытый сплетением теней и лёгкой дымкой пыли, и потому оставался неясной, расплывчатой фигурой. Чёрной. По всей видимости – длинной. Владелец хриловатого голоса и пронзительно-жёлтых глаз.

По слухам, примерно так – тёмным, неясным и желтоглазым – выглядел князь Тёмного Двора, однако поверить в присутствие на пыльном чердаке владыки Нави Тина не могла при всём желании.

– Боишься назваться – бойся. Чего тебе нужно от меня?

– Честный ответ на один вопрос, – немедленно отозвался желтоглазый. – После этого я извинюсь за причинённые неудобства и, если захочешь, компенсирую их. – Он помолчал. – А прямо сейчас я готов извиниться за выходку с принудительным порталом. И согласись: я веду себя достаточно корректно.

Тина в клетке, но все способности при ней. Желтоглазый не высосал из ведьмы энергию «Навским арканом», не оставил беззащитной, заблокировал на территории, но и только. По меркам Тайного Города – отнёсся с уважением. И говорит вежливо, всеми способами давая понять, что ему самому неловко за слишком резкое начало разговора. Мол, использовал принудительный портал только в силу обстоятельств...

– Я подумую, как ты сможешь компенсировать мне неудобства, – уверенно произнесла ведьма.

Желтоглазый ответил едва уловимым смехом.

– Задавай вопрос.

– Где Рудольф?

И Тина с сожалением поняла, что живым пыльный чердак покинет только один из них.

– Какой Рудольф?

– Ты знаешь, о ком я.

– Юноша, с которым я была близка год назад?

– Да.

– Почему он тебя интересует?

– Я любознательный, как кошка.

– У них по девять жизней. Можешь похвастать тем же?

– Где Рудольф?

– Ты прислал мне письмо? Впрочем, не отвечай... – Ведьма скривилась. – Я поняла, что ты.

– Где Рудольф?

И Тина ударила.

Магическая клетка была крепка, но желтоглазый недооценил силу загнанной в неё ведьмы и устроил защиту всего лишь второго уровня. И, наверное, удивился, когда невидимые прутья обратились в дым под безудержным напором устроенного Тиной шторма. Колдовской удар снёс тюрьму, а следующий выпад желтоглазого – тот попытался опустошить ведьму «Навским арканом» – Тина отразила артефактом. Прокатилась по грязному полу, уходя от возможных атак, одновременно восполнила запас магической энергии из «батарейки» и перешла в наступление:

– Получай!

Ослепительная молния «Эльфийской стрелы» врезалась желтоглазому в голову.

– Проклятье!

– Проклятье!

Второе восклицание принадлежало Тине, победа которой мгновенно обратилась поражением. Потому что врагов оказалось двое. Кукла и кукловод. В тёмном углу сидел голем...

«Можно было догадаться!»

Который, потеряв треть безмозглой башки, вскочил и с рычанием бросился к ведьме. Высоченный, чёрный, со светящимися стальными когтями на длинных пальцах... Тине ещё не доводилось видеть такую модель.

«Надо уходить!»

Начиная бой, ведьма не собиралась его затягивать или доводить до победы. Первый ход – освободиться, второй – отразить атаку, затем поднять уровень магической энергии, ударить напоследок, чтобы не получить «Шаровую молнию» в портал, и активизировать «Дырку жизни», прыгнув из проклятого чердака в безопасную Московскую Обитель. Однако врагов оказалось двое, и, когда ведьма была голема, кукловод сделал единственно правильный в его обстоятельствах шаг – накинул на чердак ещё одну защиту, не позволившую Тине использовать спасительный портал.

– Козёл!

– Что ты сделала с Рудольфом, тварь?!

– Урод!

Ведьма догадалась, что, пока неизвестный не получит ответа, смертельная опасность ей не грозит: он будет только сдерживать её, – и потому бросилась к дверям.

– Где Рудольф?!

А спину, словно усиливая вопрос, режут острые когти. Догадка оказалась неправильной?

Тина визжит от боли, спотыкается, заливая пыльный чердак красной кровью, и слышит истерический вопль:

– Я им не управляю!

Голова голема не была пустой, в отличие от головы мастера, который его изготовил и запихнул мозг в самое очевидное место. Тине элементарно не повезло: посланная ею «Эльфийская стрела» не вывела куклу из строя, а нарушила систему управления, превратив голема в одержимую убийством тварь.

– Беги!

Когти режут бок. Крик. Окровавленная ведьма падает в первый раз, но тут же вскакивает. Губы шепчут заклинание, пальцы, помогая им, складываются в формулу жеста, и из ладони вырывается концентрированное «Дыхание дракона». Но голем успевает ударить, и огненный поток уходит в никуда, точнее – в стену, в том направлении, которое указала отрезанная рука. Глаза Тины гаснут. Чёрный голем шинкует её длинными когтями, отчего чердак начинает напоминать разделочный цех. Кукловод выкрикивает бессвязные команды, матерится и ревет от ярости.

Занавес.

* * *

Нет, мне это не приснилось!

Мира действительно согласилась со мной поужинать! Согласилась!

Чёрт побери, я так не радовался с шестнадцати лет, когда уговорил Свету Куропаткину из первого подъезда прийти вечером послушать новый диск Мадонны. А родители на даче. А Мишка купил мне бутылку вина и свалил к друзьям. А Светка старше меня на четыре года и всё прекрасно понимает и уже умеет... Она училась на втором курсе, у неё были настоящие поклонники, и её согласие стало для меня невероятным событием. Мы встречались всего три раза, но я до сих пор...

Так. Забыть о Куропаткиной. Она давно уже Шмидт и живёт в каком-то баварском захолустье. Вернёмся к делам.

После того как закончилось наше первое с Мирой свидание на чердаке преступления, фактически – над холодным трупом, мы расстались. Она поехала по каким-то своим следственным делам, а я отправился в «Ржавый топор». Вы догадались почему. И догадались, конечно же, почему я ничего не рассказал ей об этом баре.

Потому что твёрдо знаю, до каких пределов можно смешивать рабочее и личное.

«Ржавый топор» оказался примитивным, на первый взгляд, заведением на Комсомольском проспекте: вплавился в цокольный этаж муниципального дома и был стилизован под средневековую таверну. Ну, знаете, когда бетонные стены отделаны натуральным камнем, потолок пересекают толстые, искусственно состаренные балки, мебель проще сжечь, чем передвинуть, а повсюду развешаны ненастоящие мечи, аляповатые щиты и прочий металлолом, который приличные люди давным-давно перестали замечать. Но в «Топоре» пошли ещё дальше: среди щитов, мечов и ножей владелец повешал одиночные фотографии здоровенных мужиков и групповые фотографии здоровенных мужиков, этими самыми щитами-мечами-ножами вооруженных. Ролевики на выезде, чёрт побери!

С другой стороны, фотографии хоть как-то объясняли пошлый антураж.

Но всё это я разглядел потом, когда спустился вниз. А сначала я постоял у двери, потащился на табличку «Закрыто», вспомнил предупреждение Стальевича, вздохнул и потянул ручку на себя. И дверь послушно открылась – первый этап плана прошёл без сучка и задоринки. Затем последовали десять ступенек вниз, ещё одна открытая дверь, и я оказался в большом сводчатом зале, подробное описание которого смотрите выше. Холл отсутствовал как таковой, вместо гардероба – вешалки у столов, а по левую руку – длинная, почти во весь зал, барная стойка, за которой скучал над стаканчиком чего-то бодрящего плечистый мужик, оставшийся рыжим несмотря на достаточно пожилой возраст. Обычно волосы тускнеют, но у хозяина «Топора» они оставались по-молодому яркими, что наводило на мысль о качественной краске и толковом парикмахере неподалёку.

Нет, учитывая антураж – о толковом цирюльнике неподалёку.

Как вам моя шутка? Это я готовлюсь к вечеру.

– Закрыто, – увидев меня, проскрипел бармен. – Позже будет.

– Дверь так не думает, – миролюбиво сообщил я. Сделав, так сказать, шутливый дубль.

Однако рыжий понял меня слишком прямо.

– Дверь вообще не думает, она железная.

– Хорошо, что не ржавая, – сделал ещё один заход я.

И прикусил язык. Слишком поздно сообразил, что...

– Что?!

Подумаешь, невинное замечание, откуда такая ярость?

– Пошутил, пошутил, шутка. – Я бросился спасать ситуацию: – Извините, пожалуйста, ни в коем случае не хотел обидеть вашу дверь.

Бармен пару минут разглядывал меня, всего настолько поникшего, жалкого и просящего прощения, что злоба его сама собой испарилась под натиском добродетели, и вместо: «Пшёл отсюда...!» – я услышал недовольное, но не яростное:

– Ржавым тут называют меня.

Мдя-я... С фантазией у обитателей подвала совсем плохо. Стены каменные, балки деревянные, раз рыжий, значит, Ржавый. Куда я попал?

– Ещё раз извините: ляпнул сдуру.

– Бывает.

– Обычно я веду себя деликатнее.

Бармен кивнул, показывая, что понятие «деликатность» ему не чуждо, приложился к стаканчику, откуда замечательно пахло каким-то вкусным и, очевидно, крепким ликёром, и осведомился:

– Что ты здесь забыл?

Изначально я планировал вести расследование инкогнито, не выдавая своего информатора, но из-за дурацкой оплошности пришлось задействовать «план Б».

– Стальевич сказал, что в это время вы тут скучаете в одиночестве, вот я и зашёл.

– Кто сказал?

– Евгений Стальевич, владелец...

– Я знаю! – перебил меня рыжий.

Ну, разумеется, знает, они ведь со Стальевичем входят в элитную компанию рекламода-телей ночного клуба «Переплетение». Владельцы подвального бара и мелкого магазина сувениров. Дают рекламу в клубе, в который неспособен прорваться директор Мальцев со всей своей охраной, связями в полиции, Следственном комитете, ФСБ и прокуратуре, со всеми своими деньгами, в конце концов. А эти двое оставляют в «Переплетении» свои визитки.

– Тебя Стальевич прислал?

– Нет, я сам по себе.

– Но он помог, – уточнил Ржавый.

– Рассказал, как тебя застать, – честно признался я.

– А зачем я тебе один?

– Задать вопросы.

– Полиция?

– Юрий Федра, частный детектив.

Особой радости мой ответ не вызвал, но и гнать меня бармен не стал: упоминание Стальевича подействовало на него самым благотворным образом. Интересно, что будет, если я прикроюсь старым хрычом в самом «Переплетении»?

Однако додумать интересную мысль мне не дали.

– Что ты расследуешь?

– Убийство Тины Мальцевой.

– Здесь она никогда не появлялась.

Ржавый ответил быстро. Очень быстро. Но не заученно и лживо, а спокойно, как будто знал Тину, понимаете? Не слышал о ней, не читал в газетах, а знал и потому не удивился моему визиту. Тина здесь не появлялась, хотя могла, – именно так прозвучал ответ бармена для тех, кто умеет слушать. Но как, скажите на милость, связана жена могущественного директора с дурацким баром в подвале? Общее прошлое? Нет. Ржавый не сказал: «перестала появляться», он сказал: «никогда не появлялась». Но Тина об этом баре знала, и, если бы зашла, никто не удивился бы.

Ну и как, скажите на милость, мне выстраивать дальнейший диалог?

– Я догадывался, что Тине здесь нечего делать.

– Тогда зачем пришёл?

– Потому что вы моя единственная зацепка. – После неудачной шутки насчёт двери я стал осторожен и поинтересовался: – Не обидитесь на мои следующие слова?

– Постараюсь, – проворчал бармен. И допил стакан.

А мне, между прочим, ничего не предложил. Даже за деньги.

– Моя единственная зацепка такова: мне рассказали, что Тина гуляла со «ржавым качком». Здесь бывают ржавые качки?

Хорошо, что я попросил разрешения говорить как есть. Поскольку то, что мелькнуло во взгляде бармена сразу после этого словосочетания, могло закончиться непредумышленным убийством.

А ответ я услышал, лишь досчитав до десяти.

– Так моих... моих друзей называют те, кто нас недолюбливает, – хмуро ответил Ржавый, вертя в руке пустой стакан. И как будто раздумывая: скормить его мне или не надо? – Так получилось, что среди нас много рыжих. Словно специально подбирались.

– Рыжие и крепкие?

– Да. – Бармен помолчал. – Тина сюда не приходила, но нашими парнями интересовалась. Ей нравились крепкие.

– И с Рудольфом она общалась?

Честное благородное слово: я выстрелил наугад. Неожиданно подумал, что иностранное имя прекрасно согласуется с псевдорыцарским антуражем, и тут же ляпнул.

И сорвал джекпот.

– Странно, что ты упомянул это имя, – ОЧЕНЬ медленно произнёс Ржавый, глядя на меня не мигая.

А у меня мурашки по спине побежали. Не от страха, от предвкушения.

– Почему?

– Потому что Руд исчез больше года назад, и Тину о нём расспрашивали.

Вот оно!!!

Какие мурашки? Я практически вспотел от напряжения. Я понял, что ухватился не за ниточку даже, а за толстенный канат, и боялся одного: что Ржавый замолчит.

– Как Рудольф исчез?

– Не прикидывайся кретином, – попросил бармен. – Если бы мы знали, что случилось, то нашли бы его. Руд просто исчез: вышел из дома и не вернулся. И мы, несмотря на все наши возможности, не смогли его отыскать.

– В полицию заявляли?

– Тебя действительно прислал Стальевич?

И я вспомнил: рекламодатели частного ночного клуба. Владельцы «Переплетения» плевать хотели на директора Мальцева, а значит, их возможности по-настоящему велики. Наверняка Ржавый обратился к ним.

– Мне очень жаль.

– Мы давно смирились. – Бармен налил себе ещё. Подумал, выставил второй стакан и угостил меня из своей личной бутылки. – За Руда! Где бы он сейчас ни был!

Мы выпили не чокаясь.

И я подумал, что необходимо прикупить пару бутылок этого ржавого пойла, сколько бы оно ни стоило.

– Как видишь, Юра, твоя зацепка оказалась ошибкой, – с участием произнес Ржавый. – Кто был её нынешним любовником, я не знаю, но точно никто из наших: в последний раз ею хвастались месяца три назад, не меньше.

Мне повезло, что бармен мыслил достаточно прямолинейно и не знал о появившейся на чердаке надписи. Я молча кивнул, признавая его правоту: версия и впрямь оказалась ошибочной, – сделал ещё глоток чудесного пойла и попросил рассказать о Рудольфе. В данных обстоятельствах это выглядело как проявление сочувствия, и Ржавый повёлся.

Только не считайте меня циничной скотиной, ладно? Мне действительно было жаль молодого парня, и я не виноват, что проявление сочувствия к его судьбе стало способом разведения бармена на интересующую меня информацию.

Так получилось.

– Это печальная история, – предупредил Ржавый, повторно наполняя наши стаканы. Чёрт! Если он расщедрится на третью, я потребую, чтобы он меня усыновил! Таинственный ликёр был самым вкусным из всего крепкого, что я когда-либо пил. – Жил в... Москве молодой и подающий надежду... воин.

– Офицер?

– Младший. Потому что молодой. Но у парня были задатки, был талант, его отец гордился им. А мать... Его мать умерла лет двадцать назад. И за парня отвечал только отец. Винсент Шарге.

– А парня звали Рудольфом?

– В честь дедушки, – подтвердил бармен. – Винсент мечтал увидеть парня... генералом, и Руд старался, оправдывал авансы. Работал, тренировался, даже повоевать успел...

Из-за постоянных пауз казалось, что Ржавый подбирает правильные слова, но мне его запинания не мешали. Вы, возможно, удивитесь, но слушать я умею гораздо лучше, чем говорить.

– Догадываешься, в чём Руд ни капельки не разбирался?

– В женщинах, – протянул я, припомнив, что разговор начался с Тины.

– Совершенно верно, – кивнул бармен. – Парень, конечно, знал, как к ним подступиться с точки зрения физиологии, но общаться не умел. И не понимал их. Мы с Винсентом видели, что Руд немного стеснителен, но надеялись, что его вот-вот приберёт к рукам правильная, мудрая женщина.

– Тина?

– Самое плохое, что могло с ним случиться, – отрезал Ржавый. – Целеустремленная стерва, думающая только о деньгах и удовольствиях.

– Как Рудольф познакомился с нею?

– Понятия не имею.

– Они были любовниками?

– Нет, Спящий тебя забудь, он ей стихи писал. – Бармен посмотрел на меня, как на идиота. – Конечно, они были любовниками.

Припал к богатой стерве из-за денег? Почему нет? Но как это связано с его исчезновением? Неужели Мальцев устранил любовника молодой жены?

– Почему вы решили, что Тина могла быть причастна к исчезновению Рудольфа?

Как ни странно, я опять ляпнул не то, потому что взгляд Ржавого не изменился.

– С чего ты взял, чел? Ведьма с ним играла, но и только, она ведь по другой части: ноги раздвигать. А на той неделе, когда он исчез, на город накатил довольно крупный отряд отможенных Луминаров, так что все подумали на них. – Он замер с открытым ртом как человек, сообразивший, что сморозил очень много лишнего, выдержал паузу в несколько секунд и закончил: – Никто не рискнет связываться со ржавыми качками.

И резко допил свой стакан. И убрал его со стойки. И бутылку тоже спрятал, жадина.

Я кивнул, в очередной раз соглашаясь с утверждением собеседника, и осведомился:

– Я могу поговорить с отцом Рудольфа?

– Только если веришь в загробную жизнь, – не глядя на меня, ответил бармен. – Винсент умер три месяца назад.

* * *

Вообще-то я не собирался проводить в тот день третью встречу: первые две показались мне достаточно продуктивными, дали массу пищи для размышлений, и впереди меня ожидал чарующий вечер с самым прекрасным на свете следователем. Куда ж тут ещё работать, помилуйте! Так что, выходя из «Ржавого топора», я планировал ехать домой, домой и только домой – готовиться к ужину. Но планы, как это часто бывает, оказались нарушены самым бесцеремонным образом. Бесцеремонных образов было два, в каждом по шесть с лишним футов роста, по триста фунтов веса, а силы хватило бы на пару боевых быков. Так мне показалось, во всяком случае. Это я насчет силы. А ещё они были рыжими, как Топор, в смысле как Ржавый бармен, и такими же кареглазыми.

Эти двое взяли меня у края тротуара, куда я вышел, дабы поймать такси. Подобрались бесшумно, очень профессионально придавили, предложили не трепыхаться, не привлекать внимания окружающих и нежно, буквально на руках внесли на заднее сиденье подъехавшего лимузина. Один остался снаружи, а второй плюхнулся рядом и чуть меня приобнял, делом доказывая, что главная на свете добродетель звучит: «Не рыпайся!»

Я был весьма обескуражен подобным обращением, однако, к чести своей, не завопил, не заплакал, не стал нервно спрашивать: «За что?» – и даже отчётливо расслышал фразу:

«...всё в порядке, магистр, он абсолютно безвреден: заурядный чел без малейших способностей, – произнёс сидящий рядом с главным клерк. Рыжеволосый, если вам интересно, клерк. – Самый обыкновенный и примитивный генетический статус».

Фраза прозвучала в тот самый момент, когда захлопнулась дверца, и показалась мне наглой. Насчет статуса не знаю, но вот о способностях клерк мог бы и помолчать. Я по крайней мере честно себе на жизнь зарабатываю этими самыми способностями, а не прислуживаю большому дяде.

Который, как это частенько бывает у больших дядей, не счёл нужным представиться.

– Ты – Юрий Федра? Детектив?

Я-то детектив, а вот почему ты магистр? Учёный, что ли?

Но отвечать что-то нужно, и я выбрал нейтральный вариант:

– А кого вы приказывали привести?

– Не надо остроумничать, – попросил клерк.

Именно поэтому мне не нравятся лакеи: всегда вклиниваются в серьёзные разговоры между знаменитыми детективами и выдающимися учёными. Но я решил быть выше этого и никак не среагировал на нахальное выступление.

– Ты расследуешь убийство Тины Мальцевой.

Магистр не спрашивал, он утверждал. И правила хорошего тона требовали приободрить старика... Впрочем, почему старика? Стёкла сильно затемнены, в салоне, несмотря на то что Москву заливало яркое послеобеденное солнце, царил полумрак, но я видел, что «крупному учёному» не более пятидесяти. Плотный, но не толстый, как борец на пенсии. Стрижка короткая, усы пышные. Не удивлюсь, если рыжие. Никогда не замечал, чтобы на Комсомольском было принято краситься в рыжий цвет. Или тут вирус какой гуляет?

Надо почаще смотреться в зеркало, чтобы вовремя заметить изменения.

– Язык проглотил?

Ах эти лакеи...

– Да, я ишу убийцу Тины Мальцевой, – обречённо признался я. – Виновен.

– Не паясничай, – сухо распорядился магистр. – Не прикрывай ужимками свой страх – я тебя не трону.

Заявление, прямо скажу, обнадежило. Не то чтобы я совсем перепугался, но внезапное нападение настроения мне не подняло. И пальцы подрагивали...

– Как продвигается расследование? Есть успехи?

– Встретился с вами.

Я ожидал тычка под ребра, но магистр с чувством юмора дружил.

– Смешно, – улыбнулся он. – А главное – ты прав: наша встреча действительно один из результатов расследования.

– Вы знали Тину?

– Не нужно переходить в атаку, – с прежним дружелюбием продолжил «крупный учёный». – Мои отношения с Тиной тебя не касаются, а к её смерти я непричастен по той простой причине, что Тина была мне дорога. И я очень хочу отыскать убийцу. Я не самый мстительный... чел на свете, но всегда плачу по счетам. Всё понятно?

– Да. – А как бы вы ответили в данном случае?

Зато теперь стало понятно, откуда взялся Следственный комитет в прекрасном лице Миры Кротовой. Мальцев подключил полицию, а этот дядя – СК. Занятно. Когда появится ФСБ? Или ненасытная Тина ограничилась двумя мужиками?

– Соответственно, с этого момента ты работаешь не только на директора Мальцева, но и на меня.

Магистр говорил негромко, но уверенно, хорошо поставленным голосом. Скорее всего – бывший военный. Или действующий военный – разве какой-нибудь генерал не может одновременно быть ещё и учёным? Магистром дальнобойных стрельб, к примеру.

– Всё понятно?

Объятия ржавого качка стали чуть жёстче, и я кивнул. Право, не буду же я спорить со столь интеллигентными людьми... Используемыми то же сленговое словечко «чел», что вышибала из «Переплетения», татуированный грузчик, скромный владелец скромной сувенирной лавки и подвальный бармен. Интересно, дорогой магистр, не твоей ли научной лабораторией является клуб «Переплетение»?

– Когда узнаешь, кто убил Тину, расскажешь мне первому. И я буду решать, как поделиться этой новостью с директором Мальцевым.

– Полагаю, отказываться бессмысленно?

– За тобой смотрят мои ребята, так что я в любом случае узнаю всё, что узнаешь ты.

Ну, не всё, конечно, потому что ребята смотрят со стороны, а расследование в основном проводится в голове и я могу просто не делиться своими мыслями с теми, кто мне не нравится. Кто жадничает и не хочет оплачивать свои требования.

– Мальцев предложил щедрый гонорар.

Только не считайте меня корыстной сволочью – я высказался исключительно из врождённого чувства справедливости: раз платит один, почему бы не заплатить другому? Как выяснилось через секунду: да потому бы и не заплатить.

– Посмеешь меня обмануть – прикажу тебя убить, – спокойно произнёс магистр так, словно не слышал намёка.

Я уже говорил, что превосходно отличаю правду от лжи? Так вот, этот урод не лгал.

* * *

Несмотря на непредвиденную встречу с «крупным научным деятелем», его «секретарём» и двумя «лаборантами», на ужин с Мирой я не опоздал. Более того: успел заскочить домой,

принять душ, переодеться, прибыл в ресторан за пять минут до назначенного срока... и прождал ещё двадцать.

Женщины, что делать.

Но вы ведь помните, что я умею отделять рабочее от личного, а потому все эти двадцать пять минут я посвятил вдумчивым размышлениям о магистре... Кстати, магистр – это его настоящее звание? Или уважительное обращение? Мальцев вон любит, когда его называют директором, почему бы моему новому знакомцу не любить другое модное заграничное словечко? Или магистр – заурядное погоняло? Что думать? Решу я, к примеру, что он солидный человек, а на проверку выяснится, что терзало меня сегодня вшивое ворьё в законе, которое полицейские, или та же самая Мира, с удовольствием упакует в далёкие края по первой же моей просьбе. А я, как дурак, солью этому липовому магистру серьёзную информацию по нашумевшему убийству. Какой же я после этого буду герой и знаменитый сыщик? Так, тварь дрожащая, только без топора и старухи-процентщицы.

Но криминальную биографию таинственного магистра – если таковая имеется – я поручил выяснить Байконурычу, этот раскопает на основании одного лишь погоняла. А сам стал думать, каким боком магистр вообще может быть привязан к расследованию. Кто он? Воздыхатель? Незаконнорождённый отец? Таинственный любовник, к которому бегала шустрая Мальцева под прикрытием танцевальных дел? Последнее – вернее всего. Но для чего в таком случае магистр вышел на сцену? В чём смысл? Чем плохо, что безутешный муж ищет убийцу своей верной до гроба жены? Пусть ищет, на то он и муж. Почему любовник хочет не просто узнать имя преступника, а обязательно первым? Уж не потому ли, что убийство Тины заказала прознавшая о подлом обмане жена магистра?

А это мысль!

Я даже нервно глотнул воды, которую мне принёс сердобольный официант.

Жена заказала, а может, даже сама исполнила, учитывая зверство совершённого преступления, и теперь магистр пытается оградить благоверную от возмездия. Любимая погорячилась, с кем не бывает? Его задача – контролировать расследование и остановить меня в случае успеха.

Но зачем он сам ко мне притащился? Я ведь знать не знал ни о каких магистрах и ни о каких жёнах! Зачем?

– Скучаешь?

Выглядела Мира потрясающе. Как выяснилось, деловой костюм и обтягивающие джинсы следовало рассматривать в качестве предварительной артподготовки, а настоящий удар я получил сейчас. Это была ядерная бомба. В смысле – платье. Открытое, дразнящее, чёрное, облегающее, изысканно подчеркивающее достоинства... Чёрт! Какие достоинства? Великолепности! Женщина, которая согласилась со мной поужинать, была сложена из великолеплостей: упругих, выпуклых, манящих, сводящих с ума...

– Скучаешь?

– Томлюсь в ожидании.

Я вскочил, помог Мира присесть, помог официанту вернуть на место отвисшую челюсть и велел нести шампанское.

Тем вечером я был в ударе.

Не хочу хвастаться, но я умею устроить женщине приятное во всех отношениях свидание: стеснительность оставил в детстве, развязность – в юности, получился весьма достойный коктейль из отличного образования, многих знаний и остроумия на грани фола. Но именно на грани, пошляком меня не называли даже... Ну, в общем, никогда не называли.

Я умею сделать хорошо, а в тот вечер сделал великолепно.

Работы, то есть расследования, мы не касались – как-то сама сложилась устраивающая обоих негласная договорённость, зато я выяснил, что Мира терпеть не может рэп, морщится

при звуках современной попсы и обожает инструментальные композиции. «Мне не нравятся поющие голоса, даже очень хорошие». Следователем стала потому, что юрист, а быть адвокатом скучно. «А быть следователем?» – «Я люблю разгадывать загадки» – и тем Мира окончательно меня добила. Ещё она москвичка в четвёртом поколении, по нынешним временам – всем аборигенам абориген, великолепно говорит по-французски и уже семь раз была во Франции, игнорируя остальной мир. Нельзя сказать, что я в восторге от цивилизации галльских петухов, но в Париже, разумеется, бывал, так что разговор поддержать сумел. Мы даже вспомнили одну прекрасную кафешку напротив Дома инвалидов, где подают весьма недурственный тар-тар, и договорились как-нибудь её навестить.

Вдвоём, разумеется.

Мы болтали, смеялись, шутили и видели только друг друга, совершенно позабыв о времени. В общем, первая часть свидания удалась на славу, и продолжать я собирался в том же духе.

Из ресторана мы вышли в начале двенадцатого, когда летние сумерки начали сменяться тёплым покрывалом глубокого вечера. Красиво загнул? Самому понравилось. Вечер тоже задался как по заказу: тёплый, но не душный, не жаркий. Он как будто приглашал совершить недлинную романтическую прогулку по засыпающему городу. К тому же выяснилось, что моя квартира находится буквально в трёх шагах от ресторана и там нас поджидают...

– Замечательные бокалы, в которые ещё ни разу не наливали вино.

– Чем же они замечательные? – с улыбкой поинтересовалась Мира.

– Двести лет назад их сделал настоящий мастер, сумевший вложить в них частицу своей души. Я восхищаюсь ими с детства.

– И ещё ни разу никого не угощал?

– В нашей семье принято доставать эти бокалы лишь в исключительных случаях.

Вот так и рождаются фамильные легенды. Ничего сложного, как выяснилось, – на твои уши лапшу вешает продавец, а ты распределяешь её по окружающим.

– Ты всем девушкам рассказываешь эту историю?

– Ты следователь, разве тебя не учили распознавать ложь?

– Всем?

– Сегодня я достану эти бокалы в первый раз.

Мира чуть подалась вперёд – известный, интуитивно понятный жест, – и наши губы встретились. Весьма неплохо встретились, надо отметить.

– Я тебе верю.

Хорошо, что она сказала это после моей последней фразы, – теперь мне не было стыдно.

Жаркие поцелуи на прохладной ночной улице напомнили мне юность. Настолько приятно напомнили, что я не очень хорошо запомнил путь до дома. Несмотря на все остановки, он получился не очень долгим, но весьма интригующим. И возбуждающим. Слово «нетерпение» стало нашим паролем, и потому последний отрезок – из арки через заросший деревьями двор в подъезд – мы собирались пройти довольно быстро, однако уже в самом начале пути я услышал:

– Доброй ночи, Юра.

И вынужденно притормозил.

– Здравствуйте, Евгений Стальевич.

Старый пень сидел на лавочке, выгуливал своего датского принца на ночь и по всем правилам этикета должен был промолчать, не мешать нам с Мирой идти по своим делам. Но не промолчал, стервец, а я, тряпка такая, не смог не ответить.

– Хороший сегодня вечер.

– Гав! – подтвердил здоровенный Гамлет, устроившийся рядом с лавочкой как памятник самому себе. И голову наклонил, кобель датский, пытаясь разглядеть мою женщину.

– Ага.

– Пойдём скорее, – прошептала Мира.

Получилось так, что, когда мы остановились, я закрыл Миру от старика, и теперь вдруг почувствовал – не понял, а именно почувствовал, – что она не хочет показываться Стальевичу и уж тем более представляться ему. А ещё я почувствовал, что он очень хочет познакомиться с моей спутницей.

Странно.

– Гуляете?

– Романтика...

– В такой вечер её даже звать не нужно – сама приходит.

– Да...

Сказать вам честно? Ладно, слушайте: в тот момент на меня накатило бешенство. На Стальевича. На наглого старого ублюдка, мешающего мне довести до квартиры прекраснейшую на свете женщину. Накатило так, что у меня непроизвольно сжались кулаки, а на глазах выступили слёзы. Накатило так, что я даже сделал маленький шаг к скамейке, и Гамлет вперил в меня изумлённый взгляд.

Я не контролировал себя и хотел бить. Я хотел убить. И не напал только потому, что едва не оглох на правое ухо. На то самое, что было ближе к Мире. А едва не оглох я от её громкого крика, почти визга. За которым последовал короткий вопль испуганного Стальевича. Бешеный лай Гамлета.

И рык из кустов.

Или с веток деревьев?

Одним словом – рык.

Сквер в нашем дворе густой, и кусты есть, и деревья, в сезон он больше похож на лес, чем на сквер, и в его зелени способен укрыться партизанский отряд средних размеров. И именно из зелени пришёл тот дикий рык, морозом продравший меня до костей и съевший всё мое бешенство, словно сладкий пончик.

А вслед за рыком пришло оно...

Чёрная тень? Чёрный образ? Чёрная тварь? Я не запомнил фигуру – только угрожающее движение чего-то длинного, на первый взгляд неловкого, но потрясающе скоординированного и ужасающе опасного. А ещё – пронзительно жёлтые глаза. И рык.

Оно ударило. Во всяком случае, я едва устоял на ногах. Ударило, но не коснулось. Но ударило настолько сильно, что всё дальнейшее распалось для меня на фрагменты.

Огонь. Кто-то рядом со мной бьёт в чёрного концентрированным потоком огня.

Жар.

Чёрный прячет морду. Рык превращается в визг.

Облегчение.

Ругань.

Потому что чёрных два. Второй выныривает слева, а в его сторону несётся ярко-белый росчерк, больше похожий на молнию. Пахнет палёным. Меня сносит с ног, но я тут же вскакиваю, слышу крик Миры и пытаюсь её закрыть. Первый чёрный снова бьёт. Он больше не визжит, он оправился и в ярости. Он потерял глаз.

«Чем же он бьёт?! И почему Стальевич развёл в стороны руки и что-то бормочет? Почему он не убегает?»

Две чёрные фигуры, три жёлтых глаза, удары, которые бьют, но не касаются, длинные когти, светящиеся, словно покрыты фосфором.

«Когти?!»

– Они ставят щиты!

«Голос женский. Миры?! О каких щитах она говорит?»

– Я вижу!

«Стальевич? Что происходит?»

Я поскальзываюсь на ровном месте, но не падаю, а подпрыгиваю, как будто что-то невидимое помогает мне устоять. И вижу Гамлета. Или не Гамлета? Я вижу не датского дога, а какую-то обезьяну, потому что собаки неспособны так запрыгнуть на жертву, вцепиться в неё задними лапами и рвать клыками и когтями. От милого, вечно дремлющего Гамлета остались только цвет, шерсть и уши.

– Назад!

«Чёрт! Один из «лаборантов» магистра!»

Рыжий не подбегает, а словно подлетает к нам из арки. Я надеялся на базуку, но у рыжего всего лишь кинжал.

«Дурак!»

Взмах! И левая рука того чёрного, которого рвёт Гамлет, бессильно повисает.

«Герой!»

– Их двое!

Поздно. Когти второго чёрного, который одноглазый, режут рыжего насквозь. Сначала я не понимаю, а потом вижу разрезанную, будто арбуз, голову, дольками падающую на асфальт, и начинаю орать.

– Их трое! Трое!

«Боже! Что это значит?»

– Я убегу щит!

Мира взмахивает рукой так, словно запускает в чёрных мяч. Из Стальевича вылетает молния. Гамлет почти срывает однорукому голову. Молния уходит в небо. Одноглазый отмахивается, и мне прилетает тыльной стороной ладони. Я теряю...

День 4

– Когда я потерял сознание?!

– Мне горько топтать твою гордость, Юра, но в самом начале драки, – развёл руками Евгений Стальевич. – Увы.

Старик сидел возле моей кровати с видом доброй медсестры: такой заботливый, внимательный, точно знающий, какой компресс нужно приложить, какую мазь использовать, какую таблетку проглотить... Десять минут назад, когда я только проснулся и сполна оценил разрушительные последствия романтической прогулки, Стальевич показался мне спасителем.

Но лучше бы он ничего не рассказывал!

– Вы шутите?

– Мы говорили о романтике, и в этот миг тебя ударили по голове. Ты повалился на Миру, и на этом твоё участие в сражении закончилось.

– Я ничего не видел?

– Ты пробыл без сознания до утра.

То есть я не видел невнятных чёрных фигур, длинных, но очень скоординированных, обладателей пронзительно-жёлтых глаз, умеющих бить не прикасаясь, вооружённых острыми светящимися когтями, неведомыми и невидимыми щитами. И Гамлет не обращался в чудовище... Да и как он мог, он же собака. А его лая я не слышал, потому что валялся в отключке, а моя девушка и древний старик пытались отбиться от...

– Обезьяны отмороженные, только стаями и нападают, шакалы трусливые, – проворчал мирный продавец сувениров. – С бейсбольными битами на нас накинудись, потом травматiku достали. Какая только мразь им разрешение на неё выдает?

– Евгений Стальевич...

Старик удивлённо посмотрел на меня, понял, что перегнул палку, поправил очки и развёл руками:

– Извини, Юра, увлёкся. Просто в моё время они знали своё место, а теперь оборзели от безнаказанности. А безнаказанность для тупых и злобных тварей хуже наркотика, поскольку примитивные мозги понимают только две позиции: «можно» и «нельзя», и если «можно», то начинается полный беспредел.

Правильные, но жёсткие слова не укладывались в моём сознании с образом добродушного старика, поэтому я поспешил мягко оборвать неожиданный монолог:

– Как вы отбились?

– Полицейский патруль помог. Машина въехала в наш двор буквально через минуту после того, как ты потерял сознание. А до этого времени их Мира и Гамлет кое-как сдерживали.

Мне стало совсем стыдно.

– Так эти щенки отмороженные даже на полицейских напали!

«Рыжий»! Я вспомнил примчавшегося к нам на помощь «лаборанта». Вспомнил настолько ярко, что не удержался:

– И тот парень не погиб?

– Какой парень? – искренне изумился Стальевич.

Вранья я не почувствовал и уточнил уже без всякой надежды:

– Рыжий.

– Не было там никакого рыжего.

Стыдобища...

Я мужественно удержал в себе желание провалиться сквозь землю и осведомился:

– Почему меня не забрали в больницу?

– Ты бы этого хотел?

Проснуться в окружении незнакомых людей без одежды и документов? Потом пытаться сбежать или умолять отпустить? Тратить время?

Я потрогал свою многострадальную голову и ответил честно:

– Нет, не хотел бы.

– Вот и я так подумал, – кивнул Стальевич. – Поэтому попросил полицейских притащить тебя сюда и остался на ночь.

Но почему остался именно ты? Я, конечно, понимал, что не проявил во время ночного сражения ни одного из своих многочисленных положительных качеств – ни героизма, ни мужественности, ни даже стойкости, – но всё же надеялся встретить у постели прелестную женщину, а не дряхлого старца.

– Где Мира?

– Уладила всё с полицией и уехала.

Действительно, что ей тут делать? Рядом с таким олухом, как я? Ни любимую защитить не смог, ни старичка с собачкой. Неудачник! Я понял, что на моих глазах вот-вот выступят слёзы.

«Мира! Прости меня!»

– Хорошая она девушка, – негромко произнёс Стальевич.

И я едва не разрыдался.

– Замечательная.

«Нужно ей позвонить! Прямо сейчас! Попросить прощения и договориться о встрече!» Я стал озиаться в поисках телефона.

– Давно её знаешь?

– Два дня.

– Ты выглядишь влюблённым.

– Вы должны помнить, как это бывает: увидел один раз, и чувство осталось навсегда. – На тумбочке телефона не оказалось, в ящике – тоже. Я был в отчаянии. – Такова жизнь.

– Словно молнией ударило?

– Ага.

«Правильно! Я ведь раздевался не сам, а значит, телефон по-прежнему лежит в пиджаке!»

– Евгений Стальевич, где моя одежда?

– Юра, молния ударила в тот самый миг, когда ты её увидел? – Старик не сводил с меня внимательного взора.

– Мой пиджак...

– Сейчас принесу, – пообещал Стальевич. – Ответь, пожалуйста, на вопрос.

– Сначала Мира показалась мне красивой, но обычной, – с трудом сдерживаясь, сообщил я. – И лишь потом я осознал, насколько она прекрасна...

«Я должен ей позвонить! – На лбу выступили капли пота. – Я должен!»

– Выпей.

Старик поднёс к моим губам чашку, я машинально сделал пару глотков довольно кислого питья... «Холодный чай с лимоном?»... и проглотил плававшую на поверхности таблетку.

– Чёрт!

– Извини, забыл предупредить, – совсем не извиняющимся тоном произнёс Стальевич.

– Это от головы?

– Скорее от сердца.

– Меня же по голове ударили.

– Я пошутил, – махнул рукой старик. После чего зачем-то проверил мой зрачок и заинтересовался: – Встать можешь?

Я охотно поднялся на ноги. Ночью меня нарядили в банный халат, так что я не предстал перед гостем во всей красе.

– Так?

– Голова болит?

– Почти нет.

– Тогда я за тебя спокоен. – Стальевич пожал мне руку и направился к дверям. – А то меня Гамлет дома заждался.

– Привет ему!

– Обязательно.

Проводив старика, я вышел на кухню, сварил себе кофе и задумался.

Верить или нет?

Мог ли я видеть настолько реалистичный сон? Даже при условии, что сначала я выпил два стакана ликёра в «Топоре», потом полбутылки красного, а ещё потом мне основательно заехали по голове? Чёрные фигуры, жёлтые глаза, распиленная голова «лаборанта», превратившийся в монстра Гамлет...

Над объяснениями старика я размышлял весь кофе, потом весь душ и одевание, но ничего толкового не измыслил. Да и выбор, собственно, был невелик: либо верить в желтоглазых чудовищ, умеющих бить не прикасаясь, либо в глюкодейственную силу удара по голове. Хотите – верьте, хотите – нет, но прослыть идиотом желания у меня не было.

Телефон отыскался именно там, где и ожидалось: в пиджаке, вместе с бумажником и ключами от машины – зачем я их с собой брал? Неужели собирался кататься по ночной Москве? Переложив всё это богатство в борсетку – по случаю дневной жары пиджак останется дома, – я принял решение отправиться в ближайшее кафе на завтрак, но был остановлен звонком с неизвестного номера.

– Да?

– Это Алексей Торопов, помните меня?

Бывший кикбоксёр, морской пехотинец, частный охранник и телохранитель.

– Помню, конечно.

Я понял, что звонит мне многократно «бывший» громила не просто так, но постарался не выдать своей заинтересованности, ответив предельно легко, даже небрежно.

– Я собираюсь уехать.

– В отпуск?

– Не прикидывайся тупым и не делай вид, что тебе всё равно, – грубо велел Торопов. – Я всё рассчитал.

Ну да, именно так говорил главный инженер Фукусимы.

– Что тебе нужно?

Вопрос я задал исключительно из вежливости, поскольку ответ знал заранее.

– Много денег, тупица, – хмыкнул бывший кикбоксёр. – Я планирую лечь на дно. В Москве больше не появлюсь и директора не увижу.

– Он тебя найдёт.

– Пусть попробует. – Не знаю, насколько точно он всё рассчитал, но в силах своих Алексей был уверен. – Это мой единственный способ резко срубить много бабла, и я не отступлю.

– Сколько хочешь?

– Двести тысяч.

– За что?

– Я назову имя настоящей подруги Тины, той, с которой она зависала в «Переплетении» и устраивала оргии.

– И за такую мелочь ты хочешь двести тысяч?

– Эта мелочь очень важна для расследования, без неё ты ничего не узнаешь. А директор, как я понял, совсем с катушек соскочил от горя. Тебе он пообещал полмиллиона, значит, и мне заплатит. – Пауза. – Отыщи деньги до вечера.

Короткие гудки.

Я положил мобильник в карман джинсов и почесал в затылке.

* * *

– С уважением отношусь к парням, умеющим отделять работу и личную жизнь.

– Обижаешься на них?

– Ни в коем случае. – Она легко прикоснулась к моей руке. – Я всё понимаю.

Однако электрического разряда вроде того, что пронзал меня вчера, не вызвала. Просто прикоснулась.

– Спасибо.

Этот короткий, но насыщенный смыслами диалог состоялся после того, как я поцеловал Миру при встрече. Поцеловал в щёчку, очень аккуратно и очень по-дружески. Не продемонстрировав ни единого следа вчерашней страсти. Помните, я рассказывал, что твёрдо знаю пределы? Так вот: я их знаю. И даже красивая женщина рядом не заставит меня забыть о деле. Или рассказать больше, чем нужно.

– Почему ты попросил меня приехать сюда? – Мира без особого восторга оглядела старый дом на Новокузнецкой, возле которого я назначил наше отнюдь не романтическое свидание.

«Интересно, родинка на виске не мешает ей носить солнцезащитные очки?»

– Что мы тут делаем?

Врать симпатичному следователю, на которого у меня были определенные виды, я не стал и ответил честно:

– Хочу незаконно проникнуть в одну из квартир и надеюсь на твою помощь.

– Шутишь?

Однако Мира не отпрянула, не возмутилась, не издала восклицания, а среагировала достаточно буднично. Как будто услышала заурядное предложение и отказывается исключительно для порядка. Только потому, что ни одна приличная женщина не может согласиться сразу.

– Нет, не шучу.

– Собираешься кого-то ограбить?

– Владелец квартиры давно умер, но наследники до сих пор не объявились. Квартира стоит опечатанная, и я хочу посмотреть, что в ней.

– Как звали владельца?

– Винсент Борисович Шарге. Если не ошибаюсь, он был скульптором.

– Странное имя.

– Немецкое, кажется.

– Может быть...

За разговором мы подошли к подъезду, однако входить в него Мира не спешила. Услышав имя умершего скульптора, она вообще перестала спешить, помрачнела, и мне оставалось лишь догадываться о причине столь разительной перемены настроения.

– Зачем тебе в квартиру? Как Шальке связан со смертью Тины?

Она всё-таки молодец: не только красавица, но и умница. Откуда только СК берёт такие сокровища? Почему эти сокровища не идут работать в низкооплачиваемые секретарши к честным и скромным частным детективам?

– Не Шальке, а Шарге. «Шальке» – это немецкий футбольный клуб.

– Плевать!

Она ждала ответа, и я не стал мучить красавицу. В конце концов, это неприлично.

– У Винсента Шарге был сын Рудольф.

– Имя на чердаке!

– Совершенно верно, – подтвердил я. Скромно, но с заслуженной гордостью.

– Имя ты увидел вчера, а сегодня уже идёшь по следу...

Если вы думаете, что Мира посмотрела на меня с уважительным обожанием, то вы ошибаетесь. Скорее взгляд был оценивающим.

– Совершенно верно, – повторил я с удвоенной порцией заслуженной гордости.

– Ты хорош.

– Мне за это деньги платят.

Квартира Шарге находилась под самой крышей, мы вышли из лифта и остановились на площадке, задумчиво изучая мощную металлическую дверь.

– Так ты поможешь?

А вот теперь я уловил в голосе Миры настоящее сомнение: она не знала, что делать.

– Ты понимаешь, что просишь меня совершить должностное преступление?

Плевать ей на преступление, она просто не хочет входить в квартиру. Или впускать в неё меня!

Однако вслух я произнёс другое. Выдал очередную удачную шутку:

– Родина тебя не забудет.

Вы удивитесь, но Мира даже не улыбнулась. Наверное, не расслышала.

– Родина пусть помнит, – негромко произнесла она, продолжая рассматривать дверь. –

Главное, чтобы люди забыли.

– Какие?

– Которые об этом преступлении узнают.

Следователь отчего-то потерял уверенность, и я решил помочь в её возвращении.

– Я прихватил отмычки.

И продемонстрировал походный набор замысловатых приспособлений, который мне раздобыл Байконурыч. Я знал, что профессионал оценит.

– Отличная коллекция, – со вздохом произнесла Мира.

– Одна из лучших в Москве.

– Согласна. – Она выбрала правильную отмычку, ловко вставила её в нижний замок, на мгновение загородилась от меня спиной и почти сразу распахнула дверь: – Входи.

– А верхний замок?

Я чувствовал себя несколько обманутым: хотел вскрыть его лично и поразить Миру своими криминальными талантами.

– Он не был заперт.

– И сигнализация не работает.

– Отключили за неуплату.

– А свет?

За электричество, как ни странно, платили: я щёлкнул выключателем, и вспыхнувшая люстра осветила большую прихожую.

– Добро пожаловать в царство мертвого.

– Не шути так, – неожиданно попросила Мира.

– Почему?

Меня поразило её напряжение.

– Просто – не шути.

И я понял, что продолжать расспросы не следует. Мире тут не нравится, ну что же – бывает. Мне в некоторых квартирах тоже случалось чувствовать себя неудобно.

В качестве поддержки я прикоснулся к руке женщины, показывая, что всё понял, затем прошёл в главную комнату и замер на пороге. Удивлённый замер. Я ожидал, что в квартире мертвеца будет пахнуть пылью и запустением, возможно, гниением или тленом, но воздух и в коридоре, и в главной комнате оказался свежим, словно помещение недавно проветривали. А пыль на мебели отсутствовала как класс.

- Здесь убираются?
- Откуда мне знать?
- Но ведь дверь опечатана!
- В таком случае мы имеем дело с магией.

Знаете что? Опытный сотрудник Следственного комитета не имеет права так реагировать на возможное преступление. Или на загадку. Или на странность. Неважно. Я сказал, что в опечатанном полицией помещении слишком чисто, а Мира лишь плечами пожала. Нормально? Нет, ненормально.

Но делать госпоже следователю замечание я не стал. Для этого у неё имеется начальство. Зато заметил кое-что другое:

- Забавные скульптуры делал Винсент Борисович.
- Очень забавные, – согласилась Мира.
- Ещё бы не согласиться!

Самую большую комнату квартиры – а она действительно была велика, ярдов пятьдесят квадратных, не меньше, – Шарге превратил в студию. Рабочие столы, листы с карандашными набросками, какие-то металлические каркасы, соединения, гипс, но главное – сами скульптуры. Необычные. Завораживающие и отталкивающие одновременно. Законченных образцов в студии не нашлось, только их части и макеты из папье-маше, но то, что я видел в миниатюрах, поражало воображение. Шарге умело сочетал птиц, зверей и даже насекомых, порождая на удивление дикие, кровавадные образы, которым позавидовали бы создатели средневековых мифов. Помесь леопарда с верблюдом, говорите? Льва с орлом? Ну-ну... А богомола, жука-оленья, варана и саблезубого тигра в одном флаконе не хотите? Или тираннозавра с гориллой? В кирасе и с мечом? Кому нужны такие твари?

- Шарге работал на киностудии? – прошептала Мира.

Предположение было самым очевидным, но, увы, неправильным.

– Нет, – вздохнул я. В личном деле скульптора о сотрудничестве с киношниками не было сказано ни слова. – Но я не представляю, кто может заказать такую тварь...

– Я видела таких в богатых домах, – прищурилась моя спутница. – Года полтора назад началась эта мода: украшать дикие парки странными тварями. Типа защитники.

- Типа они все спятили.
- У богатых свои причуды.

Я вспомнил Мальцева, собирающегося отгрохать покойной жене мраморный мавзолей с двенадцатифутовой голой статуей и спорить не стал.

Мира же быстро просмотрела стопку эскизов на столе, дёрнула плечом, пробормотав: «Ерунда какая», – и прошла в следующую комнату.

- Ты идёшь?
- Да.

Надеюсь, мой голос прозвучал без напряжения. Спокойный ответ на естественный вопрос, всё в порядке. Я слышал, как Мира открывает шкаф и выдвигает полки, и молил о том, чтобы она не вернулась. Потому что у окна стояли кресло и маленький шахматный столик с недоигранной партией. А в кресле лежал ещё один эскиз. Он был прикрыт пледом, и Мира его не заметила. А я разглядел. И даже верхнюю часть рисунка разглядел и потому вспотел за те два шага, понадобившиеся, чтобы добраться до кресла.

А когда добрался, понял, что разглядел правильно. Не ошибся.

Эскиз изображал длинную чёрную тварь с острыми металлическими когтями и ярко-жёлтыми глазами. С виду неуклюжую, но я точно знал, что эта мерзость жутко координирована, сильна и быстра.

А подпись под ней гласила: «Тёмный образ 2.0. Снаряжение по классу «Элит».

* * *

За деньгами я, естественно, пошёл к Мальцеву. Ну хотя бы по той причине, что магистр забыл сообщить мне номер своего телефона. И даже номер своего лакейского секретаря не оставил, ограничившись туманным: «Будет нужно – найду». Пожалуйста – нужно. И где он? Нету. Видимо, опыты ставит в каком-нибудь научном центре.

Да и не пошёл бы я к нему за деньгами, я гордый. А к Мальцеву – пожалуйста, поскольку с директором нас связывают прочные деловые интересы. Скрывать, для чего мне потребовалась столь большая сумма, я не стал, рассказал как есть. Выслушал короткую, но ёмкую характеристику на Торопова и пять минут уговаривал разъяренного директора не предпринимать никаких мер по поиску неверного слуги, аргументируя тем, что бывший кикбоксёр сам заявится. Уговорил. Получил для приманки двести тысяч наличными, машину и трёх мордоворотов-охранников. Проследил, чтобы до них дошёл чёткий приказ не вмешиваться до тех пор, пока я не получу от Торопова информацию, и только после этого чуть-чуть расслабился: вроде бы всё складывалось так, как надо.

Имя настоящей подруги Тины должно было не просто придать расследованию новое дыхание – я чувствовал, что выйду на финишную прямую, потому что настоящая подруга должна была знать и о «Переплетении», и о магистре, и – на это я особенно рассчитывал – о Рудольфе.

После посещения студии скульптора у меня не осталось сомнений в том, что именно исчезновение Рудольфа стало причиной зверского убийства Тины Мальцевой.

Вы удивитесь, узнав, что я ни слова не сказал Море о найденном в кресле эскизе? Не удивитесь? Ну и правильно.

– Действуем, как договорились: я разговариваю с Тороповым, показываю ему деньги и получаю информацию. Что будет дальше, меня не касается.

– Да, – коротко подтвердил Дима Боков, назначенный директором Мальцевым командовать моими вооружёнными помощниками, они же инкассаторы-любители.

– Но вы обязательно должны дать мне время поговорить.

– Да.

– И не появляться, чтобы не спугнуть.

– Да.

– Телефон будет включён, так что вы сами поймёте, когда входить.

– Да.

Похоже, Бокова выпиливали из положительного во всех смыслах полена.

– Увидимся.

– Да.

Я нырнул в душную предвечернюю Москву – в салоне кондиционированного фургона было куда комфортнее – и направился к улице, держа в руке металлический чемоданчик. Фургон Боков припарковал в переулке, ярдах в двадцати от перекрестка, и он не должен был привлекать к себе внимания: мало ли чёрных «Фольксвагенов» по городу катаются? Стекла тонированы, внутрь не заглянешь, и никто не узнает, что случится с Тороповым после того, как он окажется в этой машине.

И я не узнаю, потому что не собирался возвращаться в фургон. Мое дело – дальнейшее расследование.

Мне не было стыдно за то, что я сдал бывшего кикбоксёра директору, и угрызений совести я не испытывал. Я не просил Алексея об одолжении, к предательству не подталкивал и хранить секрет не обещал. Торопов должен был понимать, что за деньгами я пойду к Мальцеву – больше просто не к кому, – и принять меры предосторожности. Если принял – у него есть шанс, если нет – все дальнейшие проблемы станут платой за глупость.

Ничего личного.

Я вышел на перекресток, свернул направо, прошёл ещё десять шагов и остановился сразу за пешеходным переходом.

Минута до назначенного времени.

Но ждать не пришлось: буквально через несколько мгновений рядом со мной резко притормозил приземистый «Опель Астра».

– Быстро внутрь!

Ну хоть на это у него ума хватило!

Я плюхнулся на переднее сиденье, и машина сорвалась с места ещё до того, как захлопнулась дверца. А судя по тому, как мягко меня вдавило в кресло, «Астра» была прокачана по спортивному варианту.

– Принёс?

– А ты?

Гнал Торопов хорошо, умело, небось немало крови попортил дорожной полиции на своей «Астре». Шустрая машина ловко, а порой опасно маневрировала в весьма плотном потоке, и я почёл за благо пристегнуться: мало ли что. Мы, перестраиваясь из ряда в ряд, резко набирали скорость, обгоняли, подрезали, снова набирали скорость и всё дальше уходили от места встречи.

Интересно, Боков предусмотрел такое развитие событий?

– Деньги покажи.

Я послушно раскрыл чемоданчик:

– Двести штук.

– Вскрой одну пачку.

– Скажи какую.

– Вот эту. – Он ткнул пальцем в одну из верхних.

– Пожалуйста.

Я разорвал банковскую обёртку и предложил Алексею полюбоваться на полноценные новенькие купюры. Демонстрация произвела впечатление.

– Брось чемодан на заднее сиденье.

– Сначала скажи, что у тебя есть?

– Имя.

– И всё? Ты можешь придумать любое.

– И окончательно поругаться с директором?

– Он и сейчас не в восторге от твоего поведения.

Добавлять, что бывшие дружки считают Торопова предателем и мечтают поквитаться, я не стал. Если не дурак – сам понимает, а если дурак – зачем лишний раз человека расстраивать?

– Я дам тебе доказательство, что имя подлинное...

А в следующий миг мы остановились.

Нет, мы резко встали.

И не пристегнись я ремнём безопасности, вылетел бы через лобовое, как торпеда.

Чёрт!

Сначала я решил, что Торопов доигрался и мы в кого-то врезались. Потом – что ребята директора испугались потерять «Астру» и в нас врезался перехватчик. И только потом я увидел, что перед нами никого нет. Ни-ко-го. И ничего, соответственно. Двигатель ревел, колеса

рвались об асфальт, а нос «Опеля» упирался во что-то невидимое. Да, невидимое! И машина в это «что-то» не врезалась, а именно упёрлась, потому что капот не помялся. Машину что-то держало.

Чёрт!

«Где эти грёбанные телохранители?»

Прошу прощения за ужасный сленг, но в тот момент я мог оперировать исключительно подобными выражениями.

Бокова и его мордоворотов не было, полиции не было, машины плавно объезжали нас так, словно мы просто заглохли.

Чёрт!

А потом выяснилось, что кроме преграды рядом с нами было и ещё кое-что невидимое. Или кое-кто. Торопов изумлённо вскрикнул, и я увидел, как из его кармана вылезают документы. За ними – бумажник, ключи, какие-то бумажки, – Торопова обыскивали! Кто-то невидимый его обыскивал! А потом на свет явился ключ от камеры хранения и обыск закончился.

– ...мать! – выдохнул Алексей.

Я до сих пор не понимаю, почему он не сопротивлялся, почему позволил обыскать себя, почему не набросился на меня или не попытался выпрыгнуть из машины. Я не знаю, что было бы в этих случаях, но не понимаю, почему Торопов сдался сразу.

Обыск закончился, но машина продолжала стоять. Секунда. Две секунды. Пять. Я уже решил, что всё закончилось, но через пять секунд на лобовом стекле вдруг возник след от удара. Как будто шофёр протаранил его изнутри головой... Потом появились следы крови, кожи – ещё до того, как повреждения появились на голове обалдевшего от ужаса Торопова. Потом я увидел, как гаснут его глаза, потому что уходит жизнь. А потом невидимая преграда исчезла, «Астра» рванула вперёд и вошла в столб. Тело Алексея плавно поднялось и вылетело из машины, завершая картину «трагического ДТП со смертельным исходом». Лихач не справился с управлением, пренебрёг мерами безопасности и погиб.

А что с пассажиром?

Я сглотнул, ожидая, что невидимка доберётся до меня, но ничего не происходило. Двадцать долгих ударов сердца ничего не происходило, а потом незнакомый, но очень симпатичный мужик распахнул дверцу и заглянул мне в лицо.

– Он в шоке!

– Жив?

– Да!

– Слава богу!

– Вытащите его!

– Не вытаскивайте! Сейчас «Скорая» приедет! Не трогайте!

– Зажигание выключите!

– Федра! – Ко мне пробился Боков. – Ты как?

– Нормально. – Трясущимися руками я передал Бокову чемодан, который, как выяснилось, я всё это время прижимал к груди. – Нормально.

– Идти можешь?

– Подожди!

Голова побаливала, постукивала, посвистывала, шумела, но работала. Голова помнила, что идёт расследование, поняла, что всё вокруг – его часть, и стала делать выводы.

Невидимка нашёл ключ от камеры хранения и успокоился, но вот какое дело: Торопов должен был просто назвать имя и подтвердить свои слова каким-нибудь доказательством. Что ему держать в камере хранения? Подробное досье на Тину? Флешку с записью её игриш? Пачку компрометирующих фотографий? Да мне ничего этого не надо, мне нужно было только имя.

– Федра, полиция совсем рядом!

Общаться с блюстителями порядка желания не было. Я понимал, что меня быстро оставят в покое, но не хотел тратить время. Лучше уж отправиться домой и поспать или просто понежить побитую голову на подушке.

«Думай... Думай!»

Я открыл перчаточный бокс. Выбросил на пол какие-то бумажки, карту, страховку. Нет. Торопов сидел за рулём, сильно торопился и должен был держать доказательство где-то рядом, под рукой, чтобы отдать его максимально быстро.

– Федра!

Я откинул солнцезащитный козырёк и взял лежащую там фотографию: Тина с какой-то блондинкой. А на обороте надпись: Джина Разбегаева.

День 5

Доказательством Торопова оказалась распечатка файла весьма плохого качества. Нет, вы не поняли: сама распечатка была хорошей, выполненной на качественном лазерном принтере, а вот фотография – дрянь. Её сделали на телефон в каком-то клубе, причём сделали быстро, чтобы никто не заметил, рука фотографа дрогнула, и изображение несколько смазалось, к тому же – минимальное освещение... Другими словами, лица на фотографии не столько виднелись, сколько угадывались, но этого было вполне достаточно.

Тина Мальцева и Джина Разбегаева были запечатлены обнимающимися на каком-то диване. Весёлые, жизнерадостные, весьма фривольно одетые и – это чувствовалось – изрядно пьяные. А на диванном подлокотнике пристроился полуголый мускулистый мужик, правая рука которого откровенно ласкала Тину. «Девушки и стриптизёр. Триптих. Часть вторая».

Я ожидал, что с появлением фотографии моё участие в расследовании закончится и белокурую Джину будут допрашивать мордовороты из личной охраны разъярённого Мальцева, однако директор среагировал на доклад более чем спокойно. Возвращение денег воспринял как должное – не сомневался, что так и будет, рассказ о смерти Торопова вообще прошёл мимо его внимания, фотографию изучил брезгливо, буркнул: «Дрянь» – и равнодушно сообщил мне, что его люди помогут вычислить Джину.

И всё!

Вы, конечно, поняли, что грузить столь важного человека рассказами о невидимке и странном способе создания аварии я не стал, однако даже эта интригующая подробность вряд ли вернула бы директору Мальцеву интерес к расследованию.

Его горе исчезло так, словно выключилось.

Странно, очень-очень странно для человека, который буквально два дня назад думал лишь о том, как бы побыстрее отыскать убийцу ненаглядной супруги. Но в этом деле оказалось столько необычных и страшно необычных деталей, что изменившееся поведение директора выглядело среди них заурядным эпизодом. Мальцев не объявил о прекращении расследования – и то хорошо.

Я отправился спать – в качестве средства от ненужных мыслей пришлось проглотить таблетку снотворного, а ранним утром – в одиннадцать – встретился за завтраком с Байконурычем.

– Слышал, ты побывал в аварии?

Тратить время на дурацкие вопросы: «Откуда ты знаешь? Кто тебе рассказал? Как ты догадался?» – я не стал. С достоинством кивнул, показывая, что едва остался жив, и скупое, как настоящий герой, ответил:

– Я в порядке.

– А твой водила больше не водила.

– Он не заметил торчащий посреди дороги столб.

– Мальцев нанимает слепых телохранителей?

– Ты не поверишь, но этот был одним из лучших.

Неправильно, конечно, шутить о покойном Торопове, но чёрствый Байконурыч обожал чёрный юмор, а я слабовольно поддался.

– Раскопал что-нибудь интересное? – Сегодня я выбрал сладкие блинчики и, задавая вопрос, аккуратно распиливал один из них.

– А ты как думаешь? – хмыкнул Байконурыч, наливая себе чаю.

– Думаю, в противном случае ты не стал бы тратить время на встречу.

– Твой рыжий учёный приятель оказался занятым типом.

– Он в самом деле магистр?

– Разве что иностранный. В России у него учёных степеней нет.

– А что есть?

Во время наших совещаний – да и не наших тоже – Байконурыч крайне редко обращался к записям, выдавая информацию по памяти. Вот и сейчас он прихлёбывал чай, смотрел прямо на меня и вещал, а я торопливо помечал в планшете наиболее важные детали.

– Официально у магистра состояние приличное, но до директорского сильно недотягивает.

Ещё позавчера утром такое заявление вызвало бы у меня удивление: «Как так? Человек явно не самый влиятельный собирается состязаться с самим Мальцевым! Он самоубийца?»

Однако финал вечерней прогулки, поездка с Тороповым и найденный эскиз заставили меня смотреть на вещи под иным углом: весьма вероятно, что магистр в курсе всех этих странных дел, а раз так, то Байконурыч вряд ли узнал о нём всю правду.

– Найти твоего дружка оказалось легче лёгкого, – продолжил доклад мой худощавый друг. – Ты сказал, где вы общались, я поболтал с товарищами из дорожной полиции и сумел краем глаза просмотреть записи видеокамер того района.

– Узнал номера лимузина...

– А через них – фирму, на которую зарегистрирована машина. – Байконурыч протянул мне фотографию. – Знакомся: Карл Фридрихович де Корге – глава частного инвестиционного фонда «Саламандра».

Любят эти фармазоны прикрываться чем-то частным: частный клуб, частный фонд, частное дело... И только мы, скромные и неподкупные частные детективы, не признаём над собой власти их грязных денег.

Но вслух я сказал другое:

– Фонд так и называется – «Саламандра»?

– Что тебе не нравится?

В юности я носил штиблеты с таким названием и не ожидал, что кто-то обзовёт так крупный инвестиционный фонд. Действительно крупный, как рассказал Байконурыч буквально через секунду:

– Твой приятель управляет примерно восемью миллиардами, а сам фонд тесно связан с «Чудь Инс.».

Я давно знал Байконурыча и по тону понял, что необходимо осведомиться:

– О чем это говорит?

– «Чудь Инс.» – очень мощная и закрытая структура, – мгновенно ответил мой всезнающий друг. – Несколько лет назад в её штаб-квартире на Вернадского случилась крупная перестрелка... Даже вертолёт подбили...

– Я читал в газетах.

– Так вот, дело замяли, представляешь? Ребята дали совершенно невразумительные ответы, но все сделали вид, что поверили. А в газетах уже на следующий день перестали упоминать название корпорации.

Оценили? Я тоже. И потому не удержался от немного растерянного:

– Да кто они такие, чёрт возьми?!

Байконурыч только руками развёл, что делал – вы уж мне поверьте – крайне редко.

– Они ни к кому не лезут, но – и это очень странно – никто не лезет и к ним. Даже самые знаменитые любители проверить, насколько плохо лежит чужое добро, предпочитают с «Чудь Инс.» не связываться.

– Среди подчинённых Мальцева такие любители есть?

Любой крупный бизнесмен живёт не только приумножением своего, но и захватом чужого.

– Люди директора обходят «Чудь» стороной.

Всё понятно? И становится совершенно не важен размер личного состояния иностранного магистра Декорге. Потому что помимо больших денег за ним стоит нечто более серьёзное...

«Тёмный образ 2.0. Снаряжение по классу «Элит». Длинная чёрная тень, убивающая всё на своём пути... Обыскивающий Торопова невидимка... Превратившийся в монстра Гамлет...

Я стряхнул наваждение, отставил опустевшую тарелку из-под блинов и ровным, надеюсь, голосом поинтересовался:

– А «Переплетение»? Магистр имеет к нему отношение?

– Официально – никакого. – Смена темы Байконурыча на смутила и протестов не вызвала, похоже, он рассказал о рыжем научном деятеле всё, что сумел узнать. – «Переплетение» принадлежит некоему частному лицу, которое предпочитает жить за границей, а Москву посещает наездами.

Ага, и оттуда, из заграницы, не подпускает к своей собственности людей уровня Мальцева. Очень, очень любопытно.

– У частного лица есть имя?

– Евлампий Спиридонович Иванов, и клуб «Переплетение» – его единственный источник дохода. К тому же господин Иванов – инвалид детства и имеет право на налоговые льготы.

– Остроумные ребята, – буркнул я.

– Согласен, – кивнул Байконурыч. – Управляет клубом некий Автохонт Полуэктович Бенциев, но разузнать номер его мобильного я не смог – видимо, зарегистрирован на другое имя, – а в полицейских базах он ни разу не появлялся.

– Законопослушен, как лечебная пиявка?

– И даже ещё сильнее.

По тону я понял, что Байконурыч иссяк: всё основное он выложил и теперь копался в памяти, вспоминая мелкие подробности.

– Не знаю, насколько это важно, но Мальцев заморозил строительство мавзолея для ненаглядной Тины.

– Проигрался на бирже?

– Архитектор принёс окончательный вариант на утверждение, а директор сказал, что подумает, хотя раньше всё, связанное с Тиной, было для Мальцева приоритетом. – Байконурыч помолчал. – И ходят слухи, что он пытается наладить контакт с первой женой.

Почему директор охладел к расследованию и, как теперь выяснилось, к самой Тине? Фотография из машины Торопова ни при чём: на неё Мальцев уже смотрел равнодушно. Узнал о магистре и потому в печали опустил руки? Мол, пусть любовник за тебя мстит и мавзолей строит? Очень похоже, если честно, однако мне казалось, что директор поступил бы в этом случае как-нибудь иначе. Сильнее, что ли... Или неожиданнее...

– Ты в курсе, что за тобой перестали следить? – напоследок спросил Байконурыч.

– Уверен?

– Иначе промолчал бы.

– Тогда не в курсе.

– Иногда это хороший признак, а иногда – очень плохой, – обнадежил меня мой проницательный друг. – Бывай.

– Увидимся.

Как только Байконурыч вышел из кафе, у меня зазвонил телефон – Мира. Я не разговаривал с ней с тех пор, как мы расстались в студии Шарге, и пропустил звонок сейчас: в соседнем ресторане – три дома вверх по улице – изнывала в ожидании первого свидания со мной белокурая подруга Тины, и я решил не тратить времени на необязательный разговор.

Потом, красавица, потом...

Я в пять минут добрался до ресторана, ещё с улицы, через витрину, увидел женщину – фотографию Торопов сделал настолько недавно, что Джина даже причёску не поменяла, – уселся за её столик и обаятельно улыбнулся:

– Добрый вечер, госпожа Разбегаева.

Помните, я говорил, что умею чертовски обаятельно улыбаться? На этот раз сработало, потому что женщина улыбнулась в ответ и тут же предложила:

– Можно просто Джина.

В девичестве, надо полагать, Евгения.

«Настоящая» подруга Мальцевой оказалась натуральной платиновой блондинкой лет тридцати на вид, пребывающей в великолепной форме. Не побоюсь этого слова – в великолепной форме. Женщиной она была некрупной, зато потрясающе округлой в самых нужных местах, и летнее платье подчёркивало эти самые места с непринуждённой элегантностью.

– Меня зовут Юрий Федра.

– Вы представлялись по телефону.

– Мне приятно представиться снова.

– Вы милы, – светски произнесла Разбегаева и пригубила коктейль из стоящего перед ней бокала.

«Кровавая Мэри», если вам интересно, довольно тяжёлая штука для середины дня.

– Нет, я частный детектив.

– Расследуете смерть Тины?

– Вы догадливы.

– Догадываются дети в первом классе, а меня учили делать выводы. – Джина вытащила из пачки тонкую сигарету, раскурила её от зажигалки, которую я ей поднёс, и прохладно продолжила: – У меня нет мужа, который мог вас нанять, чтобы следить за мной. Я не совершала противоправных действий и даже с соседями по лестничной клетке дружу.

– Скучно живете.

– Безопасно.

– Для вас это важно?

А она напугана.

Голос не срывается, глаза не бегают, капли пота на прекрасном выпуклом лбу не появляются, тонкие пальчики не дрожат, но поверьте мне на слово – Джина была чертовски сильно напугана. Ещё в телефонном разговоре я понял, что Разбегаева не ждала моего звонка, но тогда страха не почувствовал. А теперь ощутил в полной мере. Не зря же она взялась за водку?

Джина затушила сигарету и осведомилась:

– Зачем вы ко мне пришли?

– Произошла забавная история, – максимально легко, словно анекдот рассказывал, объяснил я. – Вас называют близкой подругой Тины, а директор Мальцев ничего о вас не слышал. Как так получилось?

– Кто назвал меня подругой?

– Он умер.

Удар достиг цели: женщина вздрогнула.

«Чего же ты боишься?»

– Как долго вы знали Тину?

– Не больше года.

– И успели стать близкими подругами?

– Так иногда бывает. – Джина взяла себя в руки и даже сумела добавить в голос очаровательной небрежности. – Людей сближают общие интересы.

– И общие учебные заведения.

Никаких козырей у меня не было, я понятия не имел, где они учились, – упустил, когда пролистывал досье. Помогли интуиция и понимание того, что насчёт «года знакомства» Разбегаева врёт. И ещё я помнил, что они обе приезжие. А где ещё знакомиться молодым и красивым девушкам, как не в студенческой общаге?

Я врезал – угодил в яблочко.

– Откуда вы знаете, где мы учились? – взвизгнула Джина.

А вот это интересно. Она не спросила: «Откуда вы знаете, что мы учились вместе?» Её изумило, что я могу знать, ГДЕ они учились. Чёрт! Чёрт! Чёрт!

И я опозорился. Сомнения отразились на моем красивом мужественном лице. Разбегаева увидела их, правильно поняла и с облегчением констатировала:

– Вы не знаете.

А эта её фраза означала, что в досье можно не копаться: таинственное учебное заведение в нём не упоминается.

– Знаю или нет – сейчас не важно, – со всем доступным мне хладнокровием произнёс я. – Сейчас важнее то, что вы знакомы с Тиной гораздо больше года. И почему-то решили скрыть этот факт.

– А вы, как настоящий Шерлок Холмс, его вычислили. – Разбегаева залпом допила коктейль и жестом велела официанту повторить. – Мы с Тиной действительно познакомились во время учёбы. Не в институте, как вы подумали, а на курсах менеджмента, которые проводил какой-то американский прохиндей. Тогда их много сюда съезжалось – учить русских бизнесу. – Джина раскурила очередную сигарету. С моей помощью, разумеется. – Сначала Тина мне не очень понравилась... Да и я ей тоже. Но постепенно мы подружились.

Да, конечно: курсы продолжались так долго, что две незнакомые девушки успели пройти путь от взаимного отвращения до крепкой дружбы. Временами Разбегаева показывала себя умной женщиной, во всяком случае – хитрой, но порой городила такую чушь, которую даже слушать было неудобно.

«Пьющие стремительно деградируют...»

– Почему Тина не познакомила вас с мужем?

– У директора сложный характер. – Джина отпила из нового бокала и тут же затыкнулась. – Мы боялись, что я ему не понравлюсь.

– И он запретил бы вам встречаться.

– Да.

– И поэтому встречались тайно.

Я постарался глубоко запрятать иронию, но Разбегаева её почувствовала. Посмотрела на меня внимательно, видимо, сообразила, что заигралась, и с достоинством произнесла:

– Из ваших уст это звучит по-детски. Но всё было именно так.

Ложь, конечно. Ты, красавица, тоже связана с Тёмным образом класса «Элит», умением бить не прикасаясь и становиться невидимой. Именно поэтому Тина не подпускала тебя к мужу: несмотря на влюблённость, Мальцев дотошно проверял окружение своей ненаглядной и мог докопаться до правды.

– В день гибели Тины мы с ней не встречались, – с нажимом произнесла Разбегаева.

– Знаю. – Я махнул рукой, показывая, что тот день меня интересует слабо.

– Тогда о чём вам ещё рассказать?

– О Рудольфе.

Ничего больше меня не интересовало. Я рассчитывал увидеть страх, а увидел усталость. Усталость от страха.

Джина не вздрогнула. Не задрожала. Её лицо не исказилось в ужасе. Она даже не вскрикнула. Она просто постарела – в один миг на десять лет. Волосы потускнели, лицо превратилось в маску, а потерявшие цвет глаза стали мертвее, чем у мёртвых.

А потом Джина встала и ушла.
Просить её остаться я не стал.

* * *

INTERMEDIUS NEGRO

– Ты придумала что-то новенькое?
– Обещаю, ты не забудешь, – медленно произнесла женщина, проводя рукой по груди молодого рыжеволосого парня. – Такого ты ещё не испытывал.
– Ты часто так говоришь, – улыбнулся он.
– И хоть раз обманула?
– Нет.
– Вот видишь... – Она склонилась и несколько раз поцеловала грудь любовника. Пока – вскользь, словно впопыхах, не лаская, а лишь обозначая ласку. И так же небрежно скользнули по телу парня твёрдые соски её небольших упругих грудей. Рыжий сглотнул и закрыл глаза. – Сегодняшнюю ночь ты не забудешь...
– Я догадываюсь...
– Никогда...

Подвал отчаянно напоминал склеп. Тёмный сводчатый потолок, грубая каменная кладка стен, минимум освещения – только тусклые светильники – и холод... В подвале было сухо, но холодно, и это обстоятельство сильнее всего роднило его со склепом.

В центре выбранного любовниками помещения находился круглый стол чёрного мрамора, массивностью напоминающий алтарь, и именно на нём лежал обнажённый парень. И уже на парне сидела красивая женщина с распущенными чёрными волосами.

– Тебе холодно?
– Да.
– Сейчас будет горячо.
– Тебе и сейчас горячо.

Несмотря на то что женщина была облачена лишь в прозрачную чёрную тунику, легчайшую, словно сшитую из чёрной дымки, её тело пылало огнём.

– Так и должно быть, – улыбнулась женщина. – Ведь я ведьма.
– Ты готовишься к обряду?
– Каждый наш секс – своего рода обряд.
– Я помню.

– Сосредоточься на своих ощущениях, – мягко произнесла ведьма, завязывая любовнику глаза тонкой чёрной повязкой. – Только на них.

– А на тебе? – Широкие ладони парня легли на бёдра любовницы. – Мне нужны эти ощущения.

– Будут... – Она нежно перехватила правую руку парня, поцеловала ладонь, на мгновение прижалась к ней щекой, а затем быстро и ловко набросила на запястье кольцо кандалов. Цепочка уходила под стол.

– Ты опять меня связываешь, – рассмеялся он.
– Да...

Вторая рука, за ней – левая нога, потом – правая. Кандалы на ноги надевала не черноволосая – к ней присоединилась белокурая подруга, – парень догадался и не замедлил спросить:

– Мы не одни?
– Я решила сделать тебе сюрприз, – ласково произнесла ведьма.

– Позвала подругу?

– И не одну.

Третья женищина – обладательница кудрявых каштановых волос – расставляла по периметру комнаты высокие снежно-белые свечи.

– Ты уверена, что я справлюсь?

– К сожалению, нет, – очень честно и очень-очень грустно ответила брюнетка.

– Тина?

Он ещё играл, ещё посмеивался над любовницей, осмелившейся усомниться в его способности управиться с тремя женищинами, его улыбка ещё была весёлой. Он ещё не знал, что сегодняшняя церемония не будет связана с сексом. Не видел, что закончившая с кандалами блондинка рисует на столе, большие похожем на алтарь, причудливые символы. А третья ведьма дыханием разжигает свечи, добавляя в каждый лепесток огня каплю крови жертвенного лебеда.

Но, несмотря на огонь, в подвале, очень похожем на склеп, всё равно царит холод.

– Тина, что ты задумала? – Голос беспокойный. Рыжий парень чувствует присутствие магии, но поделать ничего не может – запас его собственной энергии выпит досуха, и он беззащитен. – Тина?

– Всё будет хорошо...

Ведьма принимает от подруги бронзовый нож и начинает вырезать на груди любовника знаки. Она делает это умело, очень аккуратно, кончик клинка проникает в кожу на пару миллиметров, не больше, поэтому кровь не течёт, а скапливается на царапинах, постепенно образуя кровавый узор.

Белокурая разжигает две курительницы, и у холода склепа появляется приторно-сладкий привкус.

– Что ты творишь? Ты...

Рыжий начинает рваться, но подруги Тины прижимают его к мрамору, не позволяя помешать нанесению знаков.

– Гадины! Мерзавки! Твари!!!

– Ты есть единство души и тела. Ты есть сочетание тлена и бессмертия. Ты есть плоть и разум.

– Тина! О чём ты? Что ты задумала, сволочь?!

– Ты переплетение переплетаемого. Твоё тело – сосуд для настоящего, для того, что делает тебя тем, кто ты есть, для уникального...

Дым из курительниц – секунду назад едва заметный, намекающий о себе лишь приторной сладостью – вдруг обращается густым и колючим. Становится чёрным, заполняет подвал туманом, во тьме которого над изрезанным парнем отчётливо виднеется нежное бело-розовое свечение.

– Единства больше нет!

На губах несчастного выступает пена, сквозь которую с трудом прорывается едва различимый хрип:

– Пощады...

Но её не будет.

Свечение больше не обволакивает жертву, а убегает, растворяясь в чёрном приторно-сладком тумане. Тело судорожно выгибается, мышцы напряжены, вены вздулись, каждая клеточка – натянутая струна, готовая порваться в любой момент. Пена продолжает заливать камень, а хрипа давно нет.

Потому что нет того, что делало Рудольфа Рудольфом.

– Джина, скорее!

– Иду!

Белокурая устанавливает у головы жертвы резную каменную чашу, снимает крышку и быстро отступает, сторонясь нежно-розовой вспышки.

– Новый тлен призывает старый дух! Новый сосуд ждёт наполнения! Да создастся новое единство по закону невозможного сплетения!

Мерцающее облако из чаши окутывает тело несчастного, вызвав рык и болезненный стон. А потом – породив чудовищный рёв, заставивший вздрогнуть даже выдавших виды ведьм. Тело жертвы впитывает нежно-розовое мерцание. Тело жертвы вспыхивает огнём всех белых свечей и блестит, опаленное каплями волшебного огня. Тело жертвы погибает, рассыпавшись в пепел под жаром белого огня, и возрождается яростью магического торнадо, извергнувшего чёрный туман прочь, создав из небытия тело, которое окутывает едва заметное нежно-розовое мерцание.

– У нас получилось?

Последние несколько минут ведьмы стояли у ближней курильницы, ошарашенно глядя на проводимую ими самими церемонию.

Джина сглотнула и закусила губу. А Тина сделала шаг вперёд и неуверенно спросила:

– Генрих?

Кандалы свалились, когда тело обратилось в прах, и не вернулись. Рыжий, сгорбившись, сидел в центре стола, неотрывно глядя на свои ладони. То ли не узнавая их, то ли не понимая, что делать дальше.

– Генрих?

Тишина.

– Ты вернулся?

– Да, я вернулся, – хрипло произнёс парень. Уже не Рудольф. Уже не он. – Я вернулся, но не хочу.

И прежде чем ведьмы поняли, к чему он ведёт, восставшее из пепла существо взяло со стола церемониальный бронзовый нож и твёрдой рукой перерезало себе горло.

** * **

Почему я не стал брать Джину Разбегаеву в полноценный оборот и тщательно продумать наш с ней диалог? Почему я закончил разговор ударом, после которого ей не оставалось ничего другого, как встать и уйти? Потому что я хотел её напугать и выбить из равновесия.

Директор Мальцев, несмотря на проснувшееся равнодушие, всё-таки решил довести расследование до конца и договорился с полицией о полноценном наблюдении за Джиной: её «вели» визуально, прослушивали телефон и контролировали электронную почту. Я хотел знать, чем она займётся после нашей яркой встречи, и только для этого вывел Разбегаеву из себя. А расставшись с ней, направился в ближайший парк, уселся на скамеечку и принялся ждать вестей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.